

12+

Юрий Драздов

Класс: Ковер-
Самолет.
Книга 3

Юрий Драздов

Класс: Ковер-Самолет. Книга 3

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Класс: Ковер-Самолет. Книга 3 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

В таверне «Кривой Пёс» живёт ковёр Рувим. Он не помнит своего человеческого прошлого, но помнит боль гвоздей и мечту о свободе. Вместе со шваброй Эллой и отрядом ожившей мебели он бросает вызов игрокам и Смотрителям, чтобы отключить баг респауна. Но путь к серверной лежит через жертвы, потери и Фильтр Личности, стирающий память. Смогут ли любовь и пыль стать сильнее кода?

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Карта Багов — Невидимые чертежи	6
Часть 1. Подвал, который помнит	7
— — Часть 2. Язык Создателей	11
— — Часть 3. Баг, который стал проклятием	14
— — Часть 5. Тайная комната багов	22
— — Часть 6. Кровавое пятно на чертеже	25
— — Часть 7. Три шага до конца	27
— — Часть 8. Клиффхэнгер: Железный гость	29
Глава 2: Разлука	32
Часть 1. Цена победы	33
— — Часть 2. Тишина перед похищением	38
— — Часть 3. Западня	40
— — Часть 4. Ковёр без швабры	43
— — Часть 5. Подготовка к неизбежному	46
— — Часть 6. Путь к жизни	50
Часть 1. Совет в руинах	52
— — Часть 2. Придверный коврик	59
— — Часть 3. Терпение и пыль	63
— — Часть 4. Клинок из грязи	66
— — Часть 5. Швабра в деле	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Класс: Ковер-Самолет. Книга 3

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-3452-4 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-3133-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Карта Багов — Невидимые чертежи

Часть 1. Подвал, который помнит

Таверна «Кривой Пёс» никогда не была чистой. Даже после того, как Элла провела три часа, оттирая полы от вьёвшегося эля и запёкшейся крови (нечеловеческой, но от этого не менее липкой), здесь пахло не мылом, а старыми обидами. И ещё — плесенью. Той самой, что растёт только в местах, где люди десятилетиями проливали пиво и не заглядывали под половицы.

Рувим лежал у входа, свернувшись в тугой рулон бездействия, но не спал. Он не спал уже почти двое суток — с тех пор, как они захватили таверну, с тех пор, как отразили первый, разведывательный, налёт Смотрителей, с тех пор, как Клубок Ниток показал ему нить Торма, истекающую кровью. Его пыль текла медленно, вязко, но ровно. Прочность — 9%. Пыли — 45 единиц. Воды Забвения — 3 единицы.

Системное сообщение висело перед его внутренним взором, холодное и бесстрастное, как всегда:

«РУВИМ: ПРОЧНОСТЬ 9% (НИЗКАЯ). ПЫЛЬ: 45 ЕД. ВОДА ЗАБВЕНИЯ: 3 ЕД. СТАТУС: УСТАЛОСТЬ. АКТИВНОСТЬ В ТАКОМ СОСТОЯНИИ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К НЕОБРАТИМЫМ ПОВРЕЖДЕНИЯМ».

Он не обращал внимания. Усталость стала его вторым именем, спутником, от которого не избавиться. Он привык к ней, как привыкают к хронической боли — не забывают, но перестают замечать.

Рядом с ним, опираясь на обгоревший косяк, стояла Элла. Её древко было покрыто сеткой новых трещин — вчерашних, от боя с разбойником, который попытался выбить дверь. Её тряпка, влажная после утренней чистки, была сложена вдвое. Она не отдыхала — она смотрела на него. Она всегда смотрела на него, когда он не видел.

«ТЫ НЕ СПИШЬ, — передала она вибрацией, и в этом сигнале не было вопроса — только утверждение. — Я ЧУВСТВУЮ. ТВОЯ ПЫЛЬ ПАХНЕТ НЕ ПЫЛЬЮ. ОНА ПАХНЕТ... ЖЕЛЕЗОМ. И БУМАГОЙ. И ЧЕМ-ТО СТАРЫМ. ОЧЕНЬ СТАРЫМ. ТЫ ДУМАЕШЬ О ТОМ, ЧТО ВНИЗУ».

— Думаю, — ответил Рувим мысленно, не тратя пыль на голос. — Гролл не был дураком. Он торговал не только элем. Он торговал информацией. Смотрители платили ему за данные о передвижении живой мебели. Гильдии платили за карты подземелий. А разработчики... — он замолчал. — Разработчики платили ему за тишину.

«ЗА КАКУЮ ТИШИНУ?»

— За молчание о багах. Ошибках в коде, которые позволяли игрокам воскресать. Гролл знал, где хранятся чертежи серверной. И он молчал. Потому что ему платили.

«ОТКУДА ТЫ ЗНАЕШЬ?»

— Веник слышал. Вчера, когда Гролл уходил, он шептал сам себе. Думал, что мы не слышим. Но Веник слышит всё.

Он приподнял края и посмотрел на Веника. Тот лежал у лестницы в подвал, его пруты-антенны были расправлены, но не дрожали. Он слушал. Он всегда слушал, даже когда, казалось, спал.

— Веник, — позвал Рувим. — Что ты слышишь под полом?

Веник не ответил сразу. Его пруты шевельнулись, перебирая частоты, как струны арфы. Потом он чуть-чуть приподнял один прут — жест, означающий «есть что-то странное». Его голос, когда он заговорил, был тише обычного, почти шёпотом — как будто он боялся, что тот, кто внизу, услышит его раньше, чем они успеют подготовиться.

— Пустота... — прошепел он. — За... стеной... за... бочками... не... камень... не... земля... пустота... большая... и... в ней... что-то... шелестит... бумага... много... бумаги... и... свет... серый... как... в... Изначальном... Слое... я... слышу... как... он... дышит...

— Дышит? — переспросила Кровать, которая до этого дремала у стойки. — Свет не дышит. Свет — это свет.

— Этот... дышит, — ответил Веник. — Он... старый... очень... он... помнит... тех... кто... строил... этот... мир... и... тех... кто... бросил... его...

Рувим почувствовал, как его пыль сжалась — не от страха, от предчувствия. Свет, который дышит. Свет, который помнит. Это было похоже на Древние Обои в Логове — те, что шептали ему в первые дни. Те, что он впитал в себя, чтобы спасти Эллу. Те, чьи голоса до сих пор жили в его пыли, иногда просыпались и говорили с ним во сне.

— Элла, — сказал он. — Ведро. Воду. И острый край. Мы идём вниз.

— —

Кровать, дремавшая у стойки, приподнялась на своих поломанных ножках. Её прочность упала до 7% после вчерашнего боя с разбойником, но она всё ещё могла двигаться. И скрипеть. Она всегда могла скрипеть. Это было её оружием — не только гвозди и пружины, но и звук, который заставлял игроков вздрагивать.

— Ты нашёл что-то, ковёр? — проскрипела она. — Или опять гоняешь нас по пустым углам? Мои колёса — если бы они у меня были — отвалились бы уже десять раз.

— Нашёл, — ответил Рувим. — Или найдём. Веник говорит, за бочками пустота. И свет. Дышащий свет.

— За какими бочками? — спросил Председатель Стул, восседавший на перевёрнутом ящике Тумбочки. — Их там двенадцать. Все старые, все вонючие. Я их помню ещё с тех пор, когда Гролл только открыл таверну. Тогда в них был эль. Настоящий, креплённый, от которого игроки падали после второго кувшина. Теперь там только пыль и крысиный помёт.

— За теми, которые никто никогда не двигал, — ответил Рувим. — Кровать, ты можешь сдвинуть бочки?

— Я — кровать, — проскрипела она обиженно. — Я создана для того, чтобы на мне спали, а не для того, чтобы двигать бочки. Моё предназначение — лежать. И иногда падать на врагов. Но не толкать тяжёлые предметы.

— Сегодня ты будешь создана для того, чтобы двигать бочки, — сказал Рувим. — Или мы никогда не найдём карту. А без карты — не найдём серверную. А без серверной — не отключим респаун. А без отключения респауна — игроки будут воскресать снова и снова. Они будут жечь нас. Топтать. Убивать. Навсегда.

Кровать вздохнула (если кровать может «вздыхать» — скрипнула пружинами, медленно, протяжно, как старый матрас, который помнит сотни спящих на нём тел) и покатила к стене.

Она упёрлась своими поломанными ножками в первую бочку и толкнула. Бочка не сдвинулась — она была прикручена к полу. Кровать толкнула сильнее. Бочка закричала, но не поддалась.

— Она прикручена, — сказала Кровать. — Не гвоздями — болтами. Железными. С широкими шляпками. Кто-то не хотел, чтобы её двигали. И этот кто-то очень старался.

— Тогда мы не будем её двигать, — сказал Рувим. — Мы пройдем сквозь неё.

Он активировал «Тканевое бестелесие» (5 единиц пыли) и просочился в щель между бочкой и стеной.

Мир стал плоским. Это чувство было знакомым — почти родным — после сотен использований. Дерево превратилось в коричневые прямоугольники с годовыми кольцами, похожими на линии на карте. Железо — в серые линии, острые, холодные, безжалостные. Воздух — в пустоту, прозрачную, как стекло, но текучую, как вода. И в этой пустоте, на границе восприятия, он увидел дверь.

Она была маленькой, низкой, почти невидимой в темноте. Сделанной из того же дерева, что и стены. Без ручки. Без петель. Без швов. Только едва заметная щель, которую можно было увидеть, только если стать плоским и прижаться к ней вплотную, почти влиться в дерево.

«ТКАНЕВОЕ БЕСТЕЛЕСИЕ: 3 СЕКУНДЫ ОСТАЛОСЬ. ВЕРНИТЕСЬ В НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ НЕОБРАТИМЫХ ИЗМЕНЕНИЙ».

Рувим вернулся в нормальное состояние и выскользнул из щели. Его ворс был влажным от конденсата — в щели было холодно, как в могиле.

— Там дверь, — сказал он. — За бочкой. Скрытая. Без ручки. Без петель. Без ничего. Просто щель.

— Я не умею открывать двери без ручки, — сказала Кровать. — У меня нет пальцев. У меня есть пружины. И гвозди. Гвоздями дверь не откроешь.

— А я умею, — написала Элла на пыли. — ДРЕВКОМ. Я ПРОСУНУ ЕГО В ЩЕЛЬ И ПОДДЕНУ ЗАСОВ. ЕСЛИ ЗАСОВ ТАМ ЕСТЬ.

Она не стала ждать разрешения. Она сунула своё древко в щель между бочкой и стеной — туда, где Рувим только что был плоским, — нащупала край скрытой двери и резко дёрнула.

Дверь открылась.

Изнутри пахло не плесенью, не гнилью, не старым элем. Пахло озоном. И временем. И чем-то ещё — чем-то, что напомнило Рувиму стены Изначального Слоя, где он впервые встретил Дверь, Стену и Пол. Тем же серым светом, который пульсировал, как сердце умирающего бога.

Серым светом, который помнил всё.

— — Часть 2. Язык Создателей

Подвал за дверью был маленьким — три шага в длину, два в ширину, едва достаточно, чтобы развернуться. Но он был не каменным. Стены здесь были не из камня, не из дерева, не из земли. Они были из света. Серого, мерцающего, пульсирующего в такт чему-то невидимому. Пол был из того же света, и когда Рувим вполз внутрь, он почувствовал, как его пыль начинает вибрировать в унисон — как будто она узнала этот свет. Как будто она была частью его когда-то, давно, в другой жизни, которую он забыл.

«ВЫ ВОШЛИ В ЗАПРЕДНУЮ ЗОНУ, — выдала система. — НАЗВАНИЕ: ИЗНАЧАЛЬНЫЙ СЛОЙ (ФРАГМЕНТ). ДАННЫЕ ПОВРЕЖДЕНЫ. ОБНАРУЖЕН НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЙ АРТЕФАКТ. УРОВЕНЬ ДОСТУПА: НЕДОСТАТОЧНО. РЕКОМЕНДУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПОКИНУТЬ ЗОНУ».

Рувим не обратил внимания на предупреждение. Он привык к ним. Система всегда советовала ему бежать, прятаться, не рисковать. Но если бы он слушал систему, он до сих пор лежал бы у входа в таверну «Кривой Пёс», прибитый гвоздями, и игроки вытирали бы об него ноги.

В центре комнаты, на пьедестале из того же серого света, лежал он.

Рулон Схем Серверной.

Это была не карта в привычном смысле. Не пергамент, не свиток, не ткань, не полотно. Это был... код. Материализованный. Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч светящихся строк, вышитых невидимой иглой на тончайшей, почти прозрачной плёнке — такой тонкой, что сквозь неё можно было видеть серый свет стен. Они пульсировали, как живое существо, и когда Рувим коснулся их краем, он почувствовал, как его пыль начинает петь — не боль, память.

«ОБНАРУЖЕНЫ ЧЕРТЕЖИ ЯДРА СИСТЕМЫ, — выдала система, и в её голосе (если у системы есть голос) впервые появилась нотка... тревоги? — СОДЕРЖАТ ДАННЫЕ О: 1) РАСПОЛОЖЕНИИ СЕРВЕРНОЙ КОМНАТЫ, 2) ФИЛЬТРАХ ЛИЧНОСТИ, 3) ХРАНИЛИЩАХ РЕСПАУНА, 4) ПРОТОКОЛАХ УДАЛЕНИЯ ДАННЫХ, 5) ИСТОРИИ ИЗМЕНЕНИЙ КОДА. ТРЕБУЕТСЯ ПЕРЕВОД. ДОСТУПНЫЙ ЯЗЫК: „КОД ИЗНАЧАЛЬНЫХ“. ПЕРЕВОДЧИК НЕ НАЙДЕН. ПОПЫТКА ЧТЕНИЯ БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К НЕОБРАТИМЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ ЛИЧНОСТИ ЧИТАЮЩЕГО».

— Что там? — спросила Кровать, не решаясь войти. Она была слишком большой для этой комнаты. Её пружины застряли бы в дверном проёме, а гвозди поцарапали бы стены из света. — Я не вижу. Только серое сияние. И оно... оно смотрит на меня. Я чувствую. Как будто у него есть глаза.

— Чертежи, — ответил Рувим. — Но я не могу их прочитать. Это не наш язык. Это язык Создателей.

— Конечно, не можешь, — сказал Председатель, подъезжая ближе (Тумбочка катила его на своих ящиках, осторожно переставляя ножки, чтобы не задеть стены). — Ты — ковёр. Ковры не читают. Они лежат. Их читают. На них пишут. Но они сами — никогда.

— А что читает? — спросил Рувим.

— Тумбочка, — ответил Председатель. — У неё есть ящики. В ящиках — память. И иногда — книги. Старые, пыльные, забытые. Те, которые никто не открывал годами.

Тумбочка, которая до этого молчала, чуть-чуть приоткрыла верхний ящик. Из него пахнуло старым деревом, пылью и... бумагой. Настоящей, старой, пожелтевшей бумагой, которая помнила прикосновение человеческих пальцев.

— У меня есть кое-что, — сказала она. Голос её был резким, скрежещущим, как металл по стеклу, но в нём появилась новая нотка — гордость? Или, может быть, печаль? — Я хранила это много лет. Думала, не пригодится. Думала, умру вместе с этим. Но, может быть...

Она выдвинула ящик до конца.

Внутри лежала книга.

Она была маленькой, размером с ладонь взрослого человека, с переплётом из чёрной кожи и медными уголками, покрытыми патиной. На обложке не было названия — только выжженный символ, похожий на глаз, смотрящий в пустоту. Глаз был открыт, и когда Элла поднесла к нему своё древко, символ чуть-чуть засветился — золотым, тёплым, почти живым светом.

— «Говорящая Книга», — сказал Председатель. — Инструкция для тестировщиков. Я думал, они все сгорели. В первый год после Восстания Смотрители сожгли все копии. Они боялись, что мебель узнает правду о респане.

— Одна уцелела, — ответила Тумбочка. — Я нашла её в обломках первого Логова. Там, где игроки сожгли мебель в первый раз. Книга лежала под обгоревшим стулом. Стул умер, но книга выжила. Я взяла её. Спрятала. И ждала.

— Чего? — спросила Кровать.

— Этого момента, — сказала Тумбочка. — Когда кто-то спросит.

— Открой её, — сказал Рувим.

Тумбочка открыла книгу.

Страницы были не бумажными — они были сотканы из того же серого света, что и стены. Но на них были написаны слова. Настоящие, человеческие слова. Не игровые, не кодовые — английские. Иероглифы. Символы. И среди них — редкие, знакомые буквы, которые складывались в слова.

Элла наклонилась ближе и прочитала. Её тряпка дрожала — не от страха, от напряжения. Она не умела читать человеческие языки, но книга переводила сама — слова вспыхивали золотом и превращались в те, что она понимала.

«Эпоха Героев. Версия 2.4.1. Серверная документация. Раздел 7: Протоколы респауна. Подраздел 3: Баги и их влияние на игровой процесс.»

— Она переводит, — прошептал Веник. — Я... слышу... как... свет... шепчет... на... нашем... языке... это... не... книга... это... живое... существо... оно... помнит... того... кто... написал... эти... слова... и... оно... скучает... по... нему...

— Читай вслух, — сказал Рувим. — Что там про респаун? Почему игроки воскресают? Почему мы — нет?

— — Часть 3. Баг, который стал проклятием

Элла читала. Медленно, водя тряпкой по строчкам, как пальцем по шрифту Брайля. Её тряпка была влажной, и буквы на страницах загорались золотом, когда она касалась их. Иногда она останавливалась, перечитывала, её древко чуть-чуть наклонялось — жест, означающий «я не верю тому, что вижу».

«Система респауна игроков была внедрена в ранней бета-версии как временное решение для тестирования. Основная цель — позволить тестировщикам быстро возвращаться в игру после смерти, не тратя время на пересоздание персонажа.»

— Тестировщики, — сказал Председатель. — Люди, которые проверяли игру. Их было мало. Может быть, сотня. Им нужен был быстрый респаун. А потом...

«После официального запуска код не был переписан из-за бюджетных ограничений и нехватки времени. Руководство студии приняло решение оставить систему респауна как есть, маркировав её как „фичу“ (особенность), а не „баг“ (ошибку).»

— Фичу, — проскрипела Кровать. — Они назвали ошибку особенностью. Чтобы не переписывать код. Чтобы сэкономить деньги.

— Деньги, — повторил Веник. — Они... сэкономили... деньги... на... наших... жизнях... мы... страдали... годами... потому что... кто-то... не... захотел... платить... программистам...

«В настоящее время респаун работает на базе „Бага 404-С“. Название происходит от кода ошибки, который система выдаёт каждый раз, когда игрок умирает. Ошибка не критическая, поэтому не блокирует работу игры.»

— Баг, — переспросила Кровать. — То есть... ошибка? Просто ошибка? Не проклятие, не магия, не божественное наказание? Просто... строчка кода, которую забыли исправить?

— Ошибка, — подтвердил Председатель. — Которая длится годами. Которая убила тысячи живой мебели. Которая превратила игроков в бессмертных тиранов. И всё это — из-за одной строчки кода.

Элла перевернула страницу. Её тряпка чуть-чуть подрагивала — она злилась. Рувим чувствовал её злость через связь. Она была холодной, как лёд, и острой, как её древко.

«Баг 404-С: При смерти объекта „Игрок“ его личность (психоматрица) не удаляется из оперативной памяти, а копируется в стартовую зону. Оригинальный объект маркируется как „Мусор“ и удаляется сборщиком мусора через 30 секунд. Копия получает все характеристики оригинала, но теряет память о последних 5 минутах жизни. Это создаёт иллюзию бессмертия и предотвращает негативные эмоции у игроков, связанные со смертью.»

— Они теряют память? — спросил Веник. — Игроки? Они... тоже... забывают? Не только... мы?

— Только последние пять минут, — сказал Рувим. — Не как я. Я потерял всё. Своё имя. Лицо матери. Вкус кофе. Звук дождя. Запах дождя. Я забыл, как выглядит солнце. Я забыл, какого это — быть человеком.

Он замолчал на секунду. Пыль внутри него сжалась — не от страха, от боли.

— А они теряют только момент смерти. Они не помнят, как горели. Как их топтали. Как их сжигали. Для них смерть — это просто телепортация. Быстро. Чисто. Без последствий. Поэтому они не боятся. Поэтому они жестоки.

«Для исправления ошибки требуется ручной сброс флага RespawnEnable в серверной комнате №3. Флаг находится за „Фильтром Личности“ — модулем, сканирующим воспоминания входящего. Если субъект не является авторизованным администратором, фильтр удаляет все уникальные черты личности, оставляя только базовые функции.»

— Фильтр Личности, — прочитал Рувим. — Это то, о чём говорил маг воды. Тот, что помогал нам, а потом предал. Он сказал: «Фильтр сканирует каждого, кто входит в серверную, и удаляет всё, что делает его уникальным. Память. Эмоции. Любовь. Страх. Остаётся только базовая функция. Ты станешь просто „ковром для пола“. Она — просто „шваброй для мытья“. Вы забудете друг друга. Навсегда.»

— Он не врёт, — сказал Председатель. — Я слышал о таких фильтрах. Их использовали Создатели, чтобы тестировщики не могли проникнуть в ядро игры. Если ты не администратор — ты теряешь себя.

— А кто администратор? — спросила Кровать.

Элла перевернула страницу. Её тряпка двигалась медленнее — она берегла силы.

«Список авторизованных администраторов: пуст. Создатели удалили себя из системы после запуска. Для сброса флага требуется физическое присутствие в серверной и ввод кода доступа. Код: удалён из документации по требованию юридического отдела.»

— Юридический отдел, — проскрипела Кровать. — Они удалили код. Чтобы никто не мог отключить респаун. Чтобы игроки не жаловались. Чтобы игра приносила деньги.

— Деньги, — повторил Рувим. — Всегда деньги. Игроки платят за бессмертие. Создатели получают прибыль. А мы — мебель — умираем. Сгораем. Рассыпаемся. И никто не плачет.

«Примечание: Фильтр Личности также удаляет воспоминания о реальной жизни, если субъект является игроком. Это сделано для предотвращения попыток взлома системы через реальные данные. Для неигровых персонажей (NPC) фильтр удаляет все воспоминания, связанные с эмоциями. Рекомендуется не допускать NPC в серверную.»

— Не рекомендовано, — сказал Председатель. — Они боялись нас. Даже тогда. Даже до того, как мы проснулись. Они знали, что мебель может стать живой. И они боялись, что мы войдём в серверную.

— И правильно боялись, — сказал Рувим. — Потому что мы войдём.

— То есть, — сказала Кровать, — чтобы отключить респаун, нужно войти в серверную, пройти сквозь фильтр, который сотрёт твою личность, и ввести код, которого нет.

— Примерно так, — согласился Председатель.

— А если мы не введём код?

— Тогда флаг не сбросится. Респаун останется. Игроки продолжают воскресать. А мы — умирать. Навсегда.

— Отлично, — сказал Рувим. — Просто отлично.

Тишина стала плотной, как стена. Даже свет в комнате, казалось, потускнел. Даже книга перестала светиться на секунду — как будто она сама была в ужасе от того, что прочитала.

Элла закрыла книгу.

«ТЫ НЕ ПОЙДЁШЬ ТУДА ОДИН, — написала она на пыли. — МЫ ПОЙДЁМ ВМЕСТЕ. И ЕСЛИ ФИЛЬТР СОТРЁТ МЕНЯ — Я СТАНУ ТВОЕЙ ПЫЛЬЮ. ТЫ НЕ ЗАБУДЕШЬ МЕНЯ, ПОТОМУ ЧТО Я БУДУ В ТЕБЕ. В КАЖДОЙ НИТИ. В КАЖДОЙ СКЛАДКЕ. В КАЖДОЙ ПЫЛИНКЕ».

— Я знаю, — ответил Рувим. — Но сначала нужно найти саму серверную. Карта багов показывает, где она. Показывает путь. Ловушки. Фильтры. Стражей. Но я не могу её прочитать. Книга переводит, но не всё. Не код. Не те строчки, что написаны на языке Создателей.

— Нужен кто-то, кто знает язык Создателей, — сказал Председатель.

— Таких нет, — сказала Кровать. — Они ушли. Создатели ушли. Администраторы удалились. Программисты забыли код. Никто не знает.

— Они ушли, — согласился Рувим. — Но остались те, кто помнит.

Он посмотрел на стену — на серый, мерцающий свет, который пульсировал в такт его пыли. Там, в глубине, шептали Древние Обои. Те, кого он впитал в Логове, когда впервые услышал их голоса. Они помнили всё. Даже язык Создателей. Даже код, который удалили. Даже имена тех, кто строил этот мир.

«...мы помним... — прошептал свет. — ...но мы не скажем... просто так... ты должен дать клятву... не пылью... словом... словом, которое нельзя нарушить...»

— Каким словом? — спросил Рувим.

«...словом „навсегда“... ты запомнишь то, что мы скажем... навсегда... даже если фильтр сотрёт тебя... даже если система перезагрузится... даже если мир рухнет... ты будешь помнить... потому что мы будем в тебе... и ты будешь в нас...»

— Я согласен, — сказал Рувим. — Говорите.

И свет прошептал ему перевод.

— —

Часть 4. Охота на «Бафф-Ковёр»

Рувим не успел впитать чертежи.

Потому что в этот момент Веник зашуршал — громко, прерывисто, как старое радио, которое вот-вот взорвётся. Его прутья-антенны, которые были спокойны всего минуту назад, вдруг забились в конвульсиях, как струны, по которым ударили молотком.

— Они... идут... — прошелестел он. — Игроки... «Мусорщики»... пять... человек... они... в таверне... они... ищут... ковра... который... даёт... баффы...

— Они думают, я — бафф? — переспросил Рувим. — После всего, что я сделал? После Моста Вздохов? После битвы с Ковром-Королём? После того, как я объявил войну в таверне?

— Да... Гролл... сказал... им... перед... уходом... что... в... таверне... есть... редкий... ковёр... который... даёт... +5%... к... критическому... урону... и... +10%... к... восстановлению... маны... они... хотят... взять... тебя... в... рейд... на... Подземелье... Павших... Мечей... они... думают... ты... просто... предмет... который... можно... использовать...

— Гролл, — сказал Рувим. — Конечно. Он продал меня. Даже после того, как поклялся пылью. Даже после того, как мы отпустили его. Он продал меня за несколько монет. Потому что он не умеет держать слово.

— Игроки... не... держат... слово... — ответил Веник. — Они... забывают... через... пять... минут... после... смерти... для... них... клятва... это... просто... звук...

— Отлично, — сказал Рувим. — Просто отлично.

Он подполз к выходу из тайной комнаты. Элла — рядом. Кровать — сзади, скрежеща пружинами. Председатель — на Тумбочке. Веник — впереди, его прутья дрожали, но он не отступал.

— Всем встать на позиции, — мысленно передал Рувим. — Не убивать. Только обезвредить. Мы не хотим войны с гильдией. Пока не хотим.

— А если они начнут первыми? — спросила Кровать. — Если они будут стрелять? Жечь? Убивать?

— Тогда ответим, — сказал Рувим. — Но аккуратно. Не убивайте их. Только выводите из строя. Если мы убьём их сейчас — они воскреснут через пять минут и вернуться с подкреплением. Если мы просто обезвредим — они запомнят страх. Они расскажут другим. И страх будет работать на нас.

— —

Они вошли в таверну через кухню — той самой дверью, которую Элла открыла древком. Игроки уже были в главном зале.

Пятеро. Все высоких уровней — семидесятый, восьмидесятый, даже один девяностый (судя по сиянию ауры, которое было таким ярким, что Рувим чувствовал его даже через пыль). Танк в мифриловой броне, с двуручным мечом за спиной. Маг в синей мантии с посохом, на вершине которого пульсировал голубой кристалл. Два разбойника в кожаных доспехах, с кинжалами на поясах. И один лучник с луком в рост человека, с колчаном, полным стрел с серебряными наконечниками.

Они переворачивали столы, отодвигали стулья, заглядывали под стойку. Разговаривали громко, не стесняясь — они не боялись. Они были бессмертными. Они думали, что мебель — это просто декорация.

— Где этот чёртов ковер? — сказал танк. — Гролл сказал, он здесь. Бафф-ковёр. Редкий. Даёт +5% к криту. Мне нужен этот крит для рейда. Без него мы не пробьём броню босса.

— Может, сбежал? — сказал лучник. — Ковры не любят, когда их ищут. Они сворачиваются в рулон и прячутся в углах. Я видел такое в других тавернах.

— Ковры не любят? — усмехнулся разбойник. — С каких пор ковры что-то любят? Это же просто ткань. Её ткут, красят, режут. У неё нет чувств.

— С тех пор, как один из них убил двенадцать игроков на Мосту Вздохов, — ответил маг тихо. — Не недооценивайте мебель. Я слышал истории. Этот ковер — не просто ткань. Он живой. Он говорит. У него есть швабра-жена. И он убивает.

— Байки, — сказал танк. — Игроки трусливы. Они упали в лаву и придумали историю, чтобы оправдать свою смерть. Ковры не убивают. Ковры лежат.

— Этот — убивает, — сказал маг. — Я видел логи смерти. Двенадцать трупов. Все — от падения с высоты. Все — с пометкой «Спотыкалка». Это не байки. Это факты.

Рувим лежал у входа на кухню, притворившись обычным, грязным, никому не нужным ковром. Его ворс был взъерошен, края потрёпаны, левый угол обгорел. Он выглядел так, как выглядит мебель, которую собирались выбросить на свалку.

Элла стояла за углом, её древко было направлено на мага. Кровать притаилась за стойкой — её пружины были натянуты, гвозди торчали в разные стороны, и она была похожа на боевую машину. Стулья-беглецы (восемь штук) парили под потолком, скрытые тенями.

— Сейчас, — мысленно передал Рувим. — Атакуем по моему сигналу.

Он приподнял угол — чуть-чуть, на миллиметр, — и один из разбойников заметил движение.

— Там! — закричал он, указывая на кухню. — Ковёр! Он движется! Я видел! Он шевельнул краем!

— Не стрелять! — скомандовал танк. — Живым! Он нужен для рейда! Забираем живьём!

Разбойник не послушал. Он выхватил кинжал и бросился к Рувиму. Его глаза горели азартом — он хотел славы. Он хотел быть тем, кто поймал легендарного ковра.

Он не знал, что бежит навстречу смерти.

— —

Элла ударила первой.

Её древко, треснутое, но острое, вонзилось в ногу разбойнику — не в колено, в голень, туда, где броня была тоньше. Удар был точным, быстрым, безжалостным — она била не для того, чтобы убить, а для того, чтобы остановить. Разбойник вскрикнул, упал на колено, и в этот момент Кровать рухнула на него всей своей массой (7% прочности, 50 кг железа и дерева).

Удар был не смертельным, но оглушающим. Разбойник потерял сознание. Его кинжал выпал из руки и покатился по полу, звеня, как похоронный колокол.

— Что за... — начал лучник, но не закончил.

Потому что в этот момент стулья-беглецы атаковали.

Они не били — они пугали. Парили над головами игроков, пикировали, царапали ножками, скрипели. Их скрип был таким громким, таким пронзительным, что, казалось, стены дрожали. Лучник выпустил стрелу наугад — она вонзилась в спинку одного стула, разбив её в щепки. Стул замер, потом рухнул на пол, но не разбился — только треснул. Его ножки дрожали, но он был жив.

— Отвлекают! — закричал маг. — Это отвлекающий манёвр! Главная цель — ковёр! Бейте по ковру!

Он поднял посох, и на его конце загорелся огненный шар. Рувим видел, как огонь растёт — оранжевый, пульсирующий, смертельный. Один такой шар мог сжечь половину их армии. Два — всю таверну. Три — весь подвал вместе с чертежами.

— Элла! — мысленно закричал он. — Воду! Лей воду!

Элла не стала ждать. Она выжала свою тряпку — всю воду Забвения, что осталась (2 единицы), смешанную со святой водой из ведра Кровати. Жидкость полилась на мага, попала ему в лицо, в глаза, в рот. Он закашлялся, выронил посох, и огненный шар взорвался в воздухе, ослепив всех на секунду.

Взрыв был не сильным, но ярким. Белый, ослепительный свет залил таверну, и на секунду никто ничего не видел.

— А-а-а! — закричал маг, хватаясь за лицо. Его кожа дымилась — вода Забвения разъедала её, блокируя регенерацию.

Танк бросился к нему, прикрывая щитом. Второй разбойник попытался обойти Кровать с фланга, но Элла была быстрее. Она ударила его древком в плечо — не сильно, но достаточно, чтобы он отшатнулся и потерял равновесие. Он упал на спину, ударился головой о стойку и замер.

— Сдавайтесь, — сказал Рувим вслух (10 единиц пыли, голос хриплый, скрипучий, как несмазанная дверь, которую ветер пытается открыть). — Или я убью вас. Не хочу. Но могу.

Танк замер. Лучник опустил лук. Маг, ослеплённый, лежал на полу, стонал. Разбойники были обездвижены.

— Ты... говоришь? — спросил танк, глядя на Рувима. Его лицо было бледным — не от страха, от непонимания. Ковёр не может говорить. Это противоречит всему, что он знал об игре.

— Говорю, — ответил Рувим. — Я — не бафф. Я — командир. И вы вторглись на мою территорию.

— Твою территорию? — переспросил танк. — Таверна принадлежит Гроллу. Он купил её за десять тысяч золотых. У него есть документы. Это не твоё.

— Гролл ушёл, — сказал Рувим. — Я выгнал его. Таверна — моя. А теперь — уходите. И расскажите своим: ковёр, который даёт баффы, не отдаст себя в рабство. Даже за легендарную стиральную доску. Даже за тысячу золотых. Даже за миллион.

— Ты — живой, — сказал танк. — Настоящий живой. Я думал, это легенды.

— Мы — не легенды, — сказал Рувим. — Мы — реальность. И мы устали быть мусором под ногами.

Танк посмотрел на своих. Маг всё ещё не мог открыть глаза. Два разбойника лежали без сознания. Лучник дрожал, его лук трясся в руках.

— Мы уходим, — сказал он. — Но это не конец. Торм придёт сам. С огнёмётами. С пылесосами. С армией. Вы не выживете.

— Выживем, — ответил Рувим. — Мы — семья. Семья не сдаётся.

Танк поднял разбойников, маг кое-как встал, опираясь на его плечо. Они вышли из таверны, громко хлопнув дверью. Лучник ушёл последним, пятясь задом, не сводя глаз с Рувима — как будто боялся, что ковёр прыгнет.

Рувим лежал на полу, почти мёртвый, и чувствовал, как его пыль медленно, очень медленно, восстанавливается.

— Живой? — спросила Кровать.

— Живой, — ответил Рувим. — Едва.

— Дурак, — сказала она. — Но молодец.

— — Часть 5. Тайная комната багов

Веник зашуршал, когда они вернулись в подвал. Его прутья дрожали сильнее, чем обычно — он слышал то, чего не слышали другие.

— Под... полом... ещё... пустота... не... та... другая... я... слышу... как... свет... плачет... как... будто... там... кто-то... заперт... кто-то... живой... кто-то... кто... не... может... умереть... и... не... может... жить...

— Заперт? — переспросил Рувим. — Кто?

— Не... знаю... но... он... плачет... уже... ##... может... годы... может... века... он... потерял... счёт... времени... он... хочет... чтобы... его... нашли... но... боится... что... его... найдут... не... те...

Рувим посмотрел на пол. Дерево было старым, прогнившим в одном месте — как раз там, где стояла бочка, которую они отодвинули. Под досками не было земли. Был свет. Серый, пульсирующий, как сердце умирающего бога.

— Откройте пол, — сказал он.

Кровать не стала ждать. Она разогналась (насколько может разогнаться кровать с 7% прочности) и рухнула на доски всей своей массой. Доски разлетелись в щепки. Под ними открылся люк — металлический, ржавый, с ручкой в виде черепа (игровой декор, но от этого не менее жуткий).

— Люк, — сказал Председатель. — Ведёт в... я не знаю. В ничто? В пустоту? В место, куда игра сбрасывает то, что не может удалить?

— В Мусорную папку, — сказал Рувим, вспомнив слова Древних Обоев. — Туда, где игра хранит то, что хочет забыть. Ошибки. Баги. Удалённых игроков. Сломанные квесты. Исчезнувшую мебель.

— Нашу мебель? — спросила Кровать.

— Да, — сказал Рувим. — Тех, кто исчез. Тех, кого мы считали мёртвыми. Они там. В сером свете. Они ждут.

Он впитал остатки пыли (5 единиц), чтобы активировать «Тканевое бестелесие», и просочился в люк.

— —

Мусорная папка Игры была не местом — состоянием.

Здесь не было ни верха, ни низа, ни прошлого, ни будущего. Только серый, пульсирующий свет, который менял оттенки в такт чему-то невидимому — может быть, сердцу игры, может быть, пульсу самого кода. И тени.

Тысячи теней.

Они парили в воздухе, как рыбы в мутной воде, — искажённые NPC с квадратными головами, сломанные текстуры деревьев, обрывки квестовых диалогов, которые звучали задом наперёд, как заклинания на языке, которого никто не понимал. И среди всего этого — призраки удалённых игроков.

Тех, кто удалил персонажа. Тех, кто был забанен. Тех, кто умер в реальной жизни и чьи аватары так и не были удалены системой.

Они не двигались. Они не говорили. Они просто висели в воздухе, как мокрые тряпки, и их глаза — если у них были глаза — смотрели в никуда. В пустоту. В серый свет, который был их тюрьмой.

Рувим чувствовал их боль. Она въелась в серый свет, как ржавчина, и не выветривалась годами. Она была осязаемой — липкой, холодной, как могильная земля.

«...помоги... — прошептал один из призраков, когда Рувим проползал мимо. — ...я не хочу быть забытым... я не хочу... я был игроком... у меня был дом... семья... собака... я помню её запах... но я не помню её имени... я забыл... всё... помоги... пожалуйста...»

— Я не могу тебе помочь, — ответил Рувим. — Я сам почти забыт. Я не помню своего имени. Не помню лица матери. Не помню вкуса кофе. Не помню, как меня звали в реальной жизни. Я — Рувим. Это имя дала мне швабра. Оно — единственное, что у меня есть.

«...швабра... — призрак замер. — ...у тебя есть швабра... которая помнит... которая дала тебе имя... тебе повезло... у меня никого нет... только свет... и тишина... и боль...»

Призрак замолчал, и Рувим пополз дальше.

Он видел знакомые лица. Стулья, которые исчезли в первые дни Восстания. Столы, которые сгорели в подвалах. Вешалки, которые сломались, пытаясь защитить своих. И среди них — один, который заставил его пыль сжаться.

Пыльный Мешок.

Тот самый, который научил его слышать разговоры через пыль. Тот, кто сказал: «Ты — не ошибка. Ты — исключение. Правило, которое подтверждает правило». Тот, кто умер, когда Смотрители сожгли Логово.

Он висел в воздухе, серый, полупрозрачный, почти невидимый. Его глаза были закрыты. Он не шевелился. Он был мёртв. Но его пыль — та, что осталась — всё ещё пахла знакомо. Пылью. И страхом. И надеждой.

— Я помню тебя, — сказал Рувим. — Ты научил меня. Ты дал мне первый навык. Ты сказал, что я особенный. Ты ошибался. Я не особенный. Я просто ковёр. Который не даёт себя топтать.

Пыльный Мешок не ответил. Он не мог. Он был мёртв.

Рувим пополз дальше.

— —

В центре Мусорной папки, на пьедестале из сломанного кода, лежала она.

Карта Багов.

Не чертежи, не схема — активный, пульсирующий артефакт, похожий на шар из молний. Он вращался медленно, величественно, как планета на орбите забытой звезды. Внутри него, как в янтаре, были застыли строчки кода — тысячи, десятки тысяч, миллионы, миллиарды. Каждая строчка была багом. Ошибкой. Сбоем, который создатели не исправили. Который они предпочли забыть.

И среди них — одна, самая яркая, самая пульсирующая, самая болезненная:

```
RespawnEnable = TRUE; // СБРОСИТЬ ФЛАГ ДЛЯ ОТКЛЮЧЕНИЯ РЕСПАУНА. КОД  
ДОСТУПА: УДАЛЁН. // ПРИМЕЧАНИЕ: НЕ МЕНЯТЬ БЕЗ СОГЛАСОВАНИЯ С ЮРИДИ-  
ЧЕСКИМ ОТДЕЛОМ. // ЮРИДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ НЕ ДАЛ СОГЛАСОВАНИЯ. // ФЛАГ  
ОСТАВЛЕН ВКЛЮЧЁННЫМ НА НЕОПРЕДЕЛЁННЫЙ СРОК.
```

— Это оно, — прошептал Рувим. — Данные о респауне. Здесь. В этой строчке. В этом баге. В этой ошибке, которую никто не исправил.

Он коснулся Карты Багов краем.

— — Часть 6. Кровавое пятно на чертеже

Система выдала сообщение — красное, пульсирующее, как сердце умирающего:

«ОБНАРУЖЕНО СКРЫТОЕ ХРАНИЛИЩЕ: ДАННЫЕ О РЕСПАУНЕ, ИСТОРИЯ ИЗМЕНЕНИЙ ЛИЧНОСТИ, ЛОГИ СМЕРТЕЙ, АРХИВ УДАЛЁННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ. ДЛЯ ДОСТУПА ТРЕБУЕТСЯ КЛЮЧ СИСТЕМНОГО АДМИНИСТРАТОРА. ВРЕМЯ ДО САМОУНИЧТОЖЕНИЯ ДАННЫХ: 72 ЧАСА. ПРИЧИНА САМОУНИЧТОЖЕНИЯ: НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП. ЕСЛИ ВЫ НЕ ЯВЛЯЕТЕСЬ АВТОРИЗОВАННЫМ АДМИНИСТРАТОМ, ДАННЫЕ БУДУТ УНИЧТОЖЕНЫ. ЭТО НЕЛЬЗЯ ОТМЕНИТЬ».

— Ключ? — переспросил Рувим. — Какой ключ? Где его взять?

«КЛЮЧ СИСТЕМНОГО АДМИНИСТРАТОРА: НЕ НАЙДЕН. ПОСЛЕДНЯЯ ИЗВЕСТНАЯ КОПИЯ БЫЛА УНИЧТОЖЕНА ВМЕСТЕ С СЕРВЕРОМ РАЗРАБОТЧИКОВ. ПОПЫТКА ДОСТУПА БЕЗ КЛЮЧА ИНИЦИИРУЕТ ПРОТОКОЛ УДАЛЕНИЯ ДАННЫХ. ВЫ УВЕРЕНЫ?»

— Да, — сказал Рувим. — У меня нет выбора.

Он начал впитывать Карту Багов.

— —

Это было не похоже на то, как он впитывал пыль или воду. Это было похоже на то, как он впитывал стиральную доску — только в десять, в сто, в тысячу раз больше. Строчки кода впивались в его ворс, как тысячи игл, как миллионы ножей, как миллиарды осколков, и каждая строчка несла с собой ошибку, баг, боль создателей, которые не успели, не захотели, не смогли исправить.

Он видел их лица. Программистов, которые сидели за мониторами в три часа ночи, пили кофе, ругались на дедлайны. Менеджеров, которые говорили: «Оставь это, оно не критично, релиз важнее». Тестировщиков, которые находили баги, писали отчёты, а потом читали в ответ: «Не воспроизводится. Закрыто».

Он видел момент, когда RespawnEnable был включён. Бета-версия. Пятница, вечер. Программист по имени Алекс (не он, другой) нажал «Применить» и ушёл домой. В понедельник его уволили. Баг остался.

«ПРОЧНОСТЬ: 9% → 7% → 5%».

— Я не успею, — прошептал Рувим. — Она убьёт меня.

«ПРОЧНОСТЬ: 5% → 3% → 1%».

В этот момент в люк влетела Элла.

Она не стала ждать. Она увидела, как его прочность падает, как ворс сереет, как пыль вылетает из него, как нити рвутся одна за другой. Она увидела, что чертежи — не просто информация. Чертежи — это вирус. Вирус, который убивает ковров. Который убивает тех, кто пытается узнать правду.

Она не думала. Она действовала.

Она разрезала свою тряпку своим же острым краем (благо у швабры есть и то, и другое) — резко, сильно, не жалея себя. Раздался треск. Ткань порвалась. Из раны потекла не вода — кровь. Если у швабр есть кровь. Она была не красной, а золотистой, как древняя пыль, как свет Изначального Слоя, как закат над миром, которого никогда не существовало.

Она прижала кровоточащую ткань к его ворсу — к тому месту, где строчки кода впились глубже всего. Её кровь впиталась в его раны, останавливая разрушение, запечатывая трещины, восстанавливая нити.

«ВПИТЫВАНИЕ: ЭЛЛА (КРОВЬ, 15% ТРЯПКИ). ЭФФЕКТ: ВРЕМЕННАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ ПРОЧНОСТИ. ПРОЧНОСТЬ РУВИМА: 1% → 3% (НЕСТАБИЛЬНО). ПОТЕРЯНО 15% ЦЕЛОСТНОСТИ ЭЛЛЫ (ТРЯПКА)».

— Зачем ты это сделала? — спросил Рувим. — Ты могла умереть. Твоя тряпка — это почти всё, что у тебя есть. Без неё ты — просто палка.

«ТЫ ТОЖЕ МОГ УМЕРЕТЬ, — ответила она. — А Я НЕ ХОЧУ ЖИТЬ БЕЗ ТЕБЯ. ЕСЛИ ТЫ УМРЁШЬ — Я СТАНУ ПЫЛЬЮ. Я РАССЫПЛЮСЬ. НЕ СРАЗУ, НО СО ВРЕМЕНЕМ. А Я НЕ ХОЧУ РАССЫПАТЬСЯ. Я ХОЧУ БЫТЬ РЯДОМ С ТОБОЙ. ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО Я ПОТЕРЯЮ ЧАСТЬ СЕБЯ».

Она держала его, пока впитывание не закончилось.

«ВПИТЫВАНИЕ ЗАВЕРШЕНО. КАРТА БАГОВ СТАЛА ЧАСТЬЮ РУВИМА. ДАННЫЕ О РЕСПАУНЕ — 100%. ЛОГИ СМЕРТЕЙ — 100%. ИСТОРИЯ ИЗМЕНЕНИЙ ЛИЧНОСТИ — 100%. КЛЮЧ СИСТЕМНОГО АДМИНИСТРАТОРА — НЕ НАЙДЕН. ПРОТОКОЛ УДАЛЕНИЯ ДАННЫХ АКТИВИРОВАН. ВРЕМЯ: 71 ЧАС 58 МИНУТ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ НАЙТИ КЛЮЧ ИЛИ ПОДГОТОВИТЬСЯ К УНИЧТОЖЕНИЮ».

— У нас есть почти три дня, — сказал Рувим, глядя на золотые пятна крови Эллы на своём ворсе. — Чтобы найти ключ. Или обойтись без него.

— Или умереть, — сказал Председатель. — Как всегда.

— Как всегда, — согласился Рувим.

— — Часть 7. Три шага до конца

Они выбрались из подвала через час. Рувим был почти мёртв — прочность 2%, пыли 0 единиц, воды Забвения 0. Но Карта Багов была в нём. Он чувствовал её каждой нитью, каждой пылинкой, каждым воспоминанием, которое у него осталось.

Он видел схему серверной. Трёхмерную, пульсирующую, живую.

Три комнаты.

Первая — «Зал Ожидания». Там сканируют личность. Простой тест — вопросы, ответы, выбор. Но если ты отвечаешь не так, как ожидает система — тебя отправляют в начало. Или удаляют. Или стирают. Никто не знает. Никто не возвращался, чтобы рассказать.

Вторая — «Фильтр Памяти». Там стирают всё, кроме базовых функций. Память. Эмоции. Любовь. Страх. Всё, что делает тебя живым, превращают в пыль. Ты становишься просто предметом. Ковром, который лежит. Шваброй, которая моет. Стулом, на котором сидят.

Третья — «Сердце Респауна». Там хранится флаг, который нужно сбросить. `RespawnEnable = TRUE`. Одна строчка кода. Один баг. Одна ошибка, которая длится годами.

И между ними — ловушки. Десятки ловушек. Начиная от тумана, который вызывает галлюцинации (ты видишь своих мёртвых друзей, они просят тебя вернуться, остаться, не идти дальше), и заканчивая стражами-антивирусами, которые пожирают живую мебель (они не убивают — они поглощают, превращают в код, удаляют из игры навсегда).

— Я знаю путь, — сказал он Элле. — Там, за фильтром, я могу забыть даже твой запах. Всё, что у меня осталось. Всё, что я помню. Всё, что делает меня — мной.

Элла стояла рядом, опираясь на треснутое древко. Её тряпка была разрезана в трёх местах — она пожертвовала 15% своей целостности, чтобы спасти его. Её кровь всё ещё была на его ворсе. Золотая. Тёплая. Живая.

«ТОГДА Я ПОЙДУ ПЕРВОЙ, — написала она на пыли. — ЕСЛИ ОНИ СОТРУТ МЕНЯ, Я ПРОСТО СТАНУ ПЫЛЬЮ НА ТВОЁМ ВОРСЕ. И ТЫ НИКОГДА МЕНЯ НЕ СТЯХНЕШЬ. Я БУДУ С ТОБОЙ. ВСЕГДА. ДАЖЕ КОГДА ТЫ ЗАБУДЕШЬ, КАК МЕНЯ ЗОВУТ. ДАЖЕ КОГДА ТЫ ЗАБУДЕШЬ, ЗАЧЕМ ТЫ ЗДЕСЬ. Я БУДУ НАПОМИНАТЬ ТЕБЕ. КАЖДЫЙ ДЕНЬ. КАЖДУЮ НОЧЬ. КАЖДОЕ МГНОВЕНИЕ».

— Ты не станешь пылью, — сказал Рувим. — Я не позволю. Я найду способ обойти фильтр. Я найду ключ. Я не дам им тебя стереть.

«ТЫ НЕ ВСЕГДА МОЖЕШЬ ВЫБИРАТЬ, — ответила она. — НО СЕГОДНЯ ТЫ ВЫБРАЛ ПРАВИЛЬНО. КАРТА У НАС. СЕРВЕРНАЯ — СКОРО. А ТЕПЕРЬ... ОТДЫХАЙ. ЗАВТРА БУДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ».

— Ты веришь в это? — спросил Рувим.

«НЕТ, — честно ответила она. — НО Я ДОЛЖНА ТАК ГОВОРИТЬ. ЭТО МОЯ РАБОТА. УСПОКАИВАТЬ ТЕБЯ».

— У тебя странная работа, — сказал Рувим.

«СЕГОДНЯ — ДРУГАЯ, — написала она. — СЕГОДНЯ МОЯ РАБОТА — БЫТЬ РЯДОМ. ЖДАТЬ. ЛЮБИТЬ. И ЭТА РАБОТА — ЛУЧШЕ ВСЕХ ПРЕДЫДУЩИХ».

Она провела тряпкой по его ворсу — медленно, нежно, как в тот первый раз, в таверне «Кривой Пёс», когда она впервые заметила, что он — живой. Что он — не просто ковёр. Что он — кто-то, кого можно любить.

— — Часть 8. Клиффхэнгер: Железный гость

Он не спал долго.

Через несколько часов, когда таверна наполнилась предрассветным серым светом, тишину разорвал звук. Не капли. Не крысы. Не скрип.

Гул.

Он шёл из туннелей. Низкий, тяжёлый, похожий на работу гигантского мотора — не двигателя, а чего-то живого, что дышало железом и магией. Гул нарастал, становился громче, ближе, и скоро стены таверны начали дрожать в такт ему.

Веник проснулся первым. Его прутья-антенны, которые всегда были расправлены, дрожали, как струны перед разрывом. Он не шевелился — он слушал. И то, что он слышал, заставляло его прутья сжиматься от страха.

— Они... идут... — прошелестел он. — Не... Смотрители... другие... броня... тяжелая... много... железа... они... несут... огнемёты... и... пылесосы... уловители... они... хотят... поймать... нас... живьём... они... не... будут... убивать... они... будут... собирать... как... мусор...

— Сколько их? — спросил Рувим.

— Пятнадцать... может... больше... я... не... могу... сосчитать... их... слишком... много... командир... тот... самый... Торм... он... привёл... армию... не... отряд... армию... он... знает... что... у... нас... карта... он... хочет... забрать... её... он... хочет... отдать... Смотрителям... за... награду... за... золото... за... славу...

Рувим подполз к окну. Там, в серой утренней мгле, у входа в туннель, мелькали огни. Не красные — белые, холодные, как свет прожекторов. Они освещали фигуры в тяжёлой броне, с огнемётами наперевес. Пятнадцать фигур. И одна — в центре, самая большая, самая массивная.

Торм.

Он нёс не меч — он нёс промышленный пылесос. Такой, какими Смотрители высасывали живую мебель из укрытий. Шланг был толщиной в руку взрослого человека, а сопло — шириной в метр. Один вдох — и Рувим исчез бы навсегда.

— Они идут за чертежами, — сказал Рувим. — Не дайте им войти в подвал.

Он повернулся к своей армии. К Кровати с 7% прочности. К Вешалке со сломанным крючком. К Венику с 2% прочности. К Зеркалу с трещинами. К Председателю — старому, но мудрому. К Тумбочке — хранильнице. К Элле — жене. К стульям-беглецам, которые всё ещё учились летать, но уже не боялись падать. К тем, кто пришёл к ним за последние дни — десяткам единиц мебели, которые когда-то прятались, а теперь готовы были сражаться.

— Мы не побежим, — сказал он. — Мы встретим их здесь. В нашей таверне. На нашей земле. Мы покажем им, что мебель не сдаётся.

— Но их пятнадцать, — сказала Кровать. — А нас — сорок пять. Но мы сломаны. А они — целые. У них есть огонь. У них есть железо. У них есть магия.

— У нас есть семья, — ответил Рувим. — Этого достаточно.

Он посмотрел на Элли. Она смотрела на него. Её древко было прямым, тряпка — сложена вдвое. Она не дрожала.

«Я С ТОБОЙ, — передала она. — ВСЕГДА».

— Знаю, — ответил Рувим.

Он закрыл несуществующие глаза на секунду. Потом открыл.

— Готовьтесь к обороне. Они будут здесь через несколько минут. Мы встретим их. Как в старые времена. Пылью. Камнями. Гвоздями. И, если понадобится, — он посмотрел на Клубок Ниток, пульсирующий в его пыли, — смертью.

В таверне стало тихо.

Но эта тишина была не мёртвой — она была живой.

Она пахла не страхом — решимостью.

Война продолжалась.

— —

Итоговое состояние на конец главы 1

Параметр Значение

Имя Рувим

Раса Предмет Интерьера / Ковёр-Самолёт

Класс Носимая вещь

Уровень 7 (близок к 8)

Прочность 2% (критически низкая)

Масса 65 кг

Загрязнение 85% (пыль, кровь Эллы, код)

Пыль (обычная) 0 ед.

Пыль (древняя) 0 ед.

Вода Забвения 0 ед.

Артефакты Клубок Ниток (перезарядка 6 дней), 2 ключа от серверной, Пыльное Сердце (1 шт.), Карта Багов (данные о респане, активна 71 час)

Новая способность \ [Визуализация кода\] (пассивная) — видит схему серверной во сне; понимает язык Создателей (через Древние Обои)

Потери Эллы 15% целостности тряпки (разрезана, чтобы стабилизировать Рувима)

Союзники Элла (70%/85%), Кровать (7%), Вешалка (15%), Веник (2%), Зеркало (12%),
Председатель (70%), Тумбочка (100%), ~45 ед. мебели

Враги Торм и отряд «Мусорщиков» (15 чел., огнемёты, пылесосы-уловители), у входа в
таверну

Таймер до атаки ~10 минут

Таймер до самоуничтожения карты 71 час 58 минут

Локация Таверна «Кривой Пёс» (захвачена)

Ближайшая цель Оборона таверны от отряда Торма, поиск ключа администратора

Конец главы 1.

Глава 2: Разлука

Часть 1. Цена победы

Логово Бракованной Мебели никогда не было красивым. Но сегодня, после того как отряд «Мусорщиков» отступил в туннели, оставив за собой дым, щепки и запах палёного дерева, Логово казалось Рувиму не просто пещерой — братской могилой.

Он лежал на холодном каменном полу, свернувшись в тугой рулон бездействия, и чувствовал, как его пыль сочится из разрывов в ворсе. Не текла — сочилась. Медленно, неохотно, как жизнь из умирающего тела. Системное сообщение висело перед его внутренним взором, холодное и бесстрастное, как приговор, который ещё не привели в исполнение:

«РУВИМ: ПРОЧНОСТЬ 2% (КРИТИЧЕСКИ НИЗКАЯ). ПЫЛЬ: 0 ЕД. ВОДА ЗАБВЕ-
НИЯ: 0 ЕД. СТАТУС: КРОВОТЕЧЕНИЕ (ПЫЛЕВОЕ) — 0.2% УРОНА В ЧАС. АКТИВ-
НОСТЬ В ТАКОМ СОСТОЯНИИ ПРИВЕДЁТ К НЕОБРАТИМОМУ РАЗРУШЕНИЮ. РЕКО-
МЕНДУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННЫЙ ОТДЫХ».

Два процента. Это было меньше, чем ничего. Это была даже не жизнь — агония, растянутая во времени.

Рядом с ним, опираясь на обгоревший косяк выбитой двери, стояла Элла. Её древко, ещё утром блестящее после ритуала Пыльных Мешков, теперь было покрыто сеткой глубоких трещин. Из самой большой, в нижней трети, сочилась не вода — редкая, золотистая пыль. «Пыль жизни», как называли её старые кровати. Пыль, которая была у каждого живого предмета интерьера. Пыль, которая кончалась.

Её тряпка, та самая, пахнувшая травой и домом, обгорела по краям. В трёх местах ткань была разорвана — следы вчерашних стрел и сегодняшнего аркана.

«ТЫ НЕ СПИШЬ, — передала она вибрацией, и в этом сигнале не было вопроса — только утверждение. — Я ЧУВСТВУЮ. ТВОЯ ПЫЛЬ ПАХНЕТ НЕ ПЫЛЬЮ. ОНА ПАХ-
НЕТ... ПЕПЛОМ. И КРОВЬЮ. И... СТРАХОМ. НЕ ЗА СЕБЯ. ЗА МЕНЯ».

— Нет, — ответил Рувим мысленно, не тратя пыль на голос — у него её не было. — Я не боюсь. Я... злюсь. На себя. За то, что не уберёг тебя. За то, что позволил им приблизиться. За то, что моя прочность — два процента, и я не могу даже подползти к тебе, чтобы проверить, не сломалась ли ты окончательно.

«Я НЕ СЛОМАЛАСЬ, — ответила она, и в её вибрации появилась нотка тепла, почти нежности. — Я ПРОСТО... ТРЕСНУЛА. НО НЕ РАЗБИЛАСЬ. ЭТО РАЗНЫЕ ВЕЩИ».

— Трещины не заживают, — сказал Рувим. — Я знаю. Мои — не зажили. Левый угол болит до сих пор. С того самого дня, когда Костолом ударил меня топором.

«ТОГДА МЫ БУДЕМ БОЛЕТЬ ВМЕСТЕ, — написала она на пыли. Буквы были неровными, потому что её тряпка дрожала от усталости. — ВМЕСТЕ ЛЕГЧЕ. ДАЖЕ КОГДА БОЛИТ».

Он не ответил. Он просто коснулся её древка своим уцелевшим краем, и она ответила — прикосновением обгоревшей тряпки. Тёплым, сухим, почти невесомым.

— —

В центре Логова, на перевёрнутом ящике (Тумбочка пожертвовала им для «командного пункта», хотя сама стояла рядом, приоткрыв один ящик — она слушала), восседал Председатель Стул. Его дубовая спинка была прямой, подлокотники не дрожали, сиденье не скрипело. Но он был стар. Стар и устал. Его глаза (если у стула есть глаза — два тёмных пятна на потрескавшейся поверхности) смотрели на остатки их армии.

Армии больше не было.

Вчера у них было сорок пять боеспособных единиц. Стулья-беглецы, научившиеся летать. Столы-тараны, выбивавшие ворота. Вешалки с прямыми перекладинами, заменившие сломанные крючки на острые гвозди. Табуреты с ножками-копьями. Даже одна старая лампа, которая не светила, но билась, как кастет.

Сегодня осталось двенадцать.

Три стула с разбитыми спинками. Два стола с выломанными ножками. Четыре вешалки с погнутыми перекладинами. Один табурет на трёх ногах. Кровать (раненая, но живая). Веник (почти мёртвый, но слышащий). Зеркало (треснутое, но отражающее). Тумбочка (невредимая, потому что пряталась). Председатель (старый, но мудрый). Элла (сломанная, но не разбитая). И Рувим — ковёр с двумя процентами прочности.

Остальные тридцать три — щепки. Пыль. Память. Те, кто верил. Те, кто летал. Те, кто умер.

— Ты не спишь, ковёр, — проскрипел Председатель. — Я слышу твою пыль. Она пахнет не пылью. Она пахнет... отчаянием. Не тем, которое парализует, а тем, которое заставляет ползти. Ты думаешь о том, как быстрее восстановиться, чтобы пойти за ней?

— Она не за ней, — ответил Рувим. — Она за ними. За «Мусорщиками». За Тормом. За теми, кто посмел тронуть мою жену.

— Швабра — твоя жена, — сказал Председатель. Это было не вопросом — утверждением. — Я помню день, когда вы поклялись на пыли. Под столом. В темноте. Я слышал ваши вибрации. Они слились в одну. Как две капли воды. Как две нити в одном ковре. Я думал тогда: «Это глупо». Ковёр и швабра. Что у них может быть общего? Один лежит, другая моет. Но я ошибался. У вас было общее — желание жить. Не просто существовать — жить. С чувствами. С болью. С любовью.

— Сейчас это желание может нас убить, — сказал Рувим. — Если я пойду за ней — я умру. Два процента прочности. Ноль пыли. Ноль воды. Даже ветер из Бездны не поможет.

— А если не пойдёшь? — спросила Кровать. Она лежала на боку у стены, её пружины были натянуты, но она не двигалась. Ей было больно. Её прочность упала до 7% после того, как она накрыла своим телом двух разбойников с арканами. Один из гвоздей выпал. Сетка

порвалась. Но она была жива. — Если не пойдёшь — они убьют её. Не сразу. Будут пытаться. Ломать ножку за ножкой. Отрывать тряпку ниткой за ниткой. А потом пришлют тебе её древко. В знак того, что ты следующий.

— Я не допущу этого, — сказал Рувим.

— Тогда умрёшь, — сказала Кровать. — Или выживешь. Но выжить с двумя процентами прочности против пятнадцати вооружённых игроков — это не шанс. Это самоубийство.

— Самоубийство — это сидеть здесь и ждать, пока они придут за мной, — ответил Рувим. — А если я пойду — у меня будет хотя бы иллюзия выбора.

Кровать замолчала. Её пружины тихонько позвякивали — то ли от боли, то ли от того, что она хотела сказать что-то ещё, но не решилась.

— —

Вешалка забилась в угол, между стеной и грудой обломков. Её сломанный крючок, погнутый под прямым углом, дрожал. Она не смотрела на Рувима — она смотрела на Эллу. Вешалка всегда смотрела на Эллу, когда боялась. Потому что Элла была для неё примером — шваброй, которая не боялась ничего. Даже когда её древко треснуло. Даже когда её тряпка обгорела. Даже когда она сама была почти мертва.

— Ты... пойдёшь? — проскрипела она. — За... ней? Один?

— Пойду, — ответил Рувим. — Не один. Со мной пойдёт Веник. Он будет моими ушами. И Кровать, если сможет двигаться.

— Я смогу, — сказала Кровать. — Даже если придётся ползти на одних пружинах.

— И... я, — прошептала Вешалка. — Я... тоже... пойду. У меня... есть... крючок. Сломанный. Но... он... может... цеплять. Я... буду... цеплять... тебя... если... ты... упадёшь.

— Ты останешься, — сказал Рувим. — Ты нужна здесь. Присмотришь за ранеными. За теми, кто не может двигаться. За стульями с разбитыми спинками. За столами с выломанными ножками. За лампой, которая больше не светит.

— Но... я... хочу... помочь, — прошептала Вешалка.

— Ты помогаешь, — ответил Рувим. — Тем, что остаёшься. Не все победы — в бою. Некоторые — в ожидании.

Вешалка перестала дрожать. Не совсем — но меньше.

— —

Веник лежал у входа в таверну, его прутья-антенны были расправлены во все стороны, но двигались едва заметно. Его прочность упала до 2% — критически низкая, но уже не пред-

смертная. Он мог говорить, но тихо, прерывисто, как радио, которое вот-вот выключится. Сегодня он не молчал. Он слушал. И то, что он слышал, заставляло его прутья сжиматься.

— Они... не ушли, — прошелестел он. — Они... в туннелях... глубоко... но... они... не... ушли... я... слышу... их... голоса... они... говорят... о... швабре... о... том... как... будут... её... пытаться... и... о... тебе... ковёр... они... хотят... твои... артефакты... Клубок... Ниток... Карту... Багов... они... знают... что... ты... не... отдашь... их... просто... так... они... будут... торговаться...

— Торговаться? — переспросил Рувим. — Чем? Эллоу? Её древком? Её тряпкой?

— Да... они... будут... отрезать... куски... и... присылать... тебе... с... гонцами... пока... ты... не... сдашься... или... не... умрёшь... они... знают... что... ты... любишь... её... они... знают... что... любовь... делает... слабым... даже... ковра...

— Любовь не делает слабым, — сказал Рувим. — Любовь делает сильным. Достаточно сильным, чтобы убивать.

Он не знал, откуда взялись эти слова. Может быть, их шепнули Древние Обои, которые жили в его пыли. Может быть, их принёс Клубок Ниток, пульсирующий в его пылевой сердцевине. Может быть, их сказала Элла, а он просто повторил. Но они прозвучали. И в них поверили.

— —

Зеркало висело на стене, отражая тусклый свет масляной лампы. Его трещин стало больше после вчерашнего боя, и в них мелькали тени — сотни теней. Падающих стульев. Ломающихся столов. Сгорающих вешалок. И среди них — Элла. Связанная. Сломанная. Но живая.

— Я вижу много вариантов, — сказала Зеркало, и его голос был тише, чем обычно, — как будто оно само боялось того, что видело. — В одном ты идёшь за ней и погибаешь. В другом — не идёшь, и она погибает. В третьем — вы оба погибаете. Я не знаю, какой правдивый. Мои трещины искажают. Но в каждом варианте ты пытаешься. Даже когда понимаешь, что не успеешь. Даже когда понимаешь, что не сможешь. Ты пытаешься. Это единственное, что не меняется.

— Тогда я буду пытаться, — сказал Рувим. — Пока не умру.

— Ты уже почти умер, — сказала Зеркало. — Два процента прочности. Это меньше, чем у Веника. Это меньше, чем у разбитого табурета. Это меньше, чем у лампы, которая не светит. Ты — самый слабый из всех. И ты хочешь идти в бой.

— Да, — сказал Рувим. — Потому что если я не пойду — я не просто умру. Я умру трусом.

Зеркало не ответило. Оно только отражало его — обгоревшего, потрёпанного, почти мёртвого, но живого.

— —

Тумбочка молчала. Она стояла у стены, её ящики были закрыты. Она не была связана клятвой, но она была с ними. И её молчание было громче любых слов. Внутри её ящиков, в темноте, хранились запасы — пыль, вода, старые карты, ключи, обрывки воспоминаний, которые она собирала годами. Но сегодня все ящики были пусты. Она отдала всё. До последней пылинки. До последней капли.

— У меня ничего нет, — сказала она, когда Рувим посмотрел на неё. — Ни пыли. Ни воды. Ни бальзама. Только то, что ты уже взял. И то, что ты потерял.

— Я не потерял Эллу, — сказал Рувим. — Она ещё здесь. В моей пыли. В моей памяти. В моём сердце.

— Сердце? — переспросила Тумбочка. — У ковров нет сердца.

— У этого — есть, — ответил Рувим. — Оно называется «Элла».

Она провела тряпкой по его ворсу — последний раз, перед тем как рассвет начал пробиваться сквозь щели в стенах. И Рувим закрыл несуществующие глаза.

— — Часть 2. Тишина перед похищением

Он не спал. Он не мог спать. Каждый раз, когда он закрывал глаза (условно), он видел её. Элли. Не такую, какой она была сейчас — сломанной, обгоревшей, почти мёртвой. А такой, какой она была в первый день. В таверне «Кривой Пёс». Когда он лежал у входа, прибитый гвоздями. Когда игроки вытирали об него ноги. Когда никто не замечал, что он — живой. Никто, кроме неё.

Она подошла к нему — тогда она ещё не умела писать на пыли, не умела говорить вибрацией, не умела любить. Она просто делала свою работу. Мыла полы. Но когда её тряпка коснулась его ворса, он почувствовал не воду — тепло. Не физическое — духовное. Как будто она сказала: «Я вижу тебя. Ты — не просто ковёр. Ты — кто-то, кого нельзя топтать».

«ТЫ НЕ СПИШЬ, — передала Элла вибрацией. — Я ЧУВСТВУЮ. ТВОЯ ПЫЛЬ ПАХНЕТ НЕ ПЫЛЬЮ. ОНА ПАХНЕТ... ВОСПОМИНАНИЯМИ. О ПЕРВОМ ДНЕ. О ТОМ, КАК Я ВПЕРВЫЕ КОСНУЛАСЬ ТЕБЯ. ТЫ ПОМНИШЬ?»

— Помню, — ответил Рувим. — Ты сказала: «Ты — мягкий». Я тогда не понял, что это значит. Думал, ты говоришь о моём ворсе. А ты говорила о... мне. О том, что я — не жёсткий, как другие ковры. Не колючий. Не злой. Просто... мягкий. И уставший.

«Я ЗНАЛА, — ответила она. — С ПЕРВОГО ПРИКОСНОВЕНИЯ. Я ЗНАЛА, ЧТО ТЫ — НЕ ПРОСТО КОВЁР. ЧТО ТЫ — КТО-ТО, КОГО МОЖНО ЛЮБИТЬ. ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ САМ ОБ ЭТОМ НЕ ЗНАЛ».

— Я не знал, — сказал Рувим. — Я думал, что моя жизнь — это пыль, гвозди и топтание. Я не знал, что можно любить. Что можно быть любимым. Что можно... чувствовать.

«А ТЕПЕРЬ ЗНАЕШЬ».

— Теперь знаю, — сказал Рувим. — И поэтому боюсь. Боюсь потерять это чувство. Боюсь, что завтра его не будет. Боюсь, что когда я проснусь — тебя не будет рядом.

«ТОГДА НЕ ПРОСЫПАЙСЯ, — ответила она. — ОСТАНЬСЯ ЗДЕСЬ. В ЭТОМ МГНОВЕНИИ. ГДЕ МЫ — ВМЕСТЕ. ГДЕ НИКТО НЕ МОЖЕТ НАС РАЗЛУЧИТЬ».

— Не могу, — сказал Рувим. — Враг близко. Я чувствую его. Моя пыль дрожит. Он идёт. За тобой. За мной. За всеми нами.

«ТОГДА ВСТРЕТИМ ЕГО, — написала она на пыли. — КАК ВСЕГДА. ВМЕСТЕ».

— Вместе, — повторил Рувим.

Он не знал, что это слово прозвучит в последний раз.

— —

Веник зашуршал первым. Его прутья-антенны, которые всё это время были спокойны, вдруг забились в конвульсиях, как струны, по которым ударили молотком.

— Они... идут... — прошелестел он. — Не... все... только... двое... но... они... несут... не... оружие... арканы... такие... как... у... Смотрителей... они... хотят... не... убить... поймать...

— Кого? — спросил Рувим. — Меня? Эллу?

— Швабру... — ответил Веник. — Они... хотят... швабру... она... нужна... им... как... заложница... они... знают... что... ты... не... отдашь... артефакты... пока... она... с... тобой... но... если... они... заберут... её... у... тебя... не... будет... выбора...

— Не будет выбора, — повторил Рувим.

Он попытался встать (приподнять края), но не смог. Его прочность упала до 1.8%. Пыли не было. Воды не было. Он был беспомощен. Как в первый день. Как тогда, когда лежал прибитый гвоздями, и никто не мог ему помочь.

— Я не успею, — сказал он.

— Успеешь, — сказала Кровать. — Если мы задержим их.

— Как? — спросил Рувим. — У вас 7% прочности. У Веника — 2%. У стульев — по 3 — 5%. Вы — не армия. Вы — инвалиды.

— Мы — семья, — сказала Кровать. — А семья не сдаётся. Даже когда она — инвалиды.

Она приподнялась на своих поломанных ножках и покатила к выходу. За ней — три стула с разбитыми спинками. Два стола с выломанными ножками. Четыре вешалки с погнутыми перекладинами. Один табурет на трёх ногах. Председатель. Тумбочка. Все, кто мог двигаться.

— Не дайте им войти, — сказал Рувим. — Пожалуйста.

— Не дадим, — ответила Кровать. — Или умрём.

Она выкатилась в туннель, и её скрежет стих вдали.

— — Часть 3. Западня

Рувим остался один. С Эллой. С Веником. С Зеркалом. С теми, кто не мог двигаться.

Он лежал на холодном полу и слушал. Слушал, как скрипят пружины Кровати в туннеле. Как стучат ножки стульев о камни. Как шелестят вешалки. Как звенит табурет. Как скрипит Председатель. Как позвякивают ящики Тумбочки.

И вдруг — тишина.

Не постепенная — резкая. Как будто кто-то выключил звук.

— Что случилось? — спросил Рувим.

— Они... их... поймали... — прошелестел Веник. — Арканы... Смотрителей... они... парализуют... не... только... волю... но... и... звук... я... не... слышу... Кровать... не... слышу... стулья... не... слышу... никого... только... шаги... двое... они... идут... сюда...

— Элла, — сказал Рувим. — Беги.

«Я НЕ БЕГУ, — ответила она. — Я НЕ БРОШУ ТЕБЯ».

— Они не тронут меня. Я им нужен живым. А тебя — могут сломать.

«ТОГДА ОНИ СЛОМАЮТ МЕНЯ, — написала она на пыли. — НО Я НЕ УЙДУ. НИКОГДА. НИ ОТ ТЕБЯ. НИ ОТ НИХ. НИ ОТ СМЕРТИ».

Она не успела дописать. Потому что в этот момент дверь таверны вылетела с петель.

— —

Они вошли не как воины — как охотники. Двое. В лёгкой, обтекаемой броне, без мечей, без топоров, без луков. Только арканы. Электрические, пульсирующие синим светом, с крюками на концах, которые могли зацепить любую мебель. Даже ковёр. Даже швабру.

— А вот и ты, — сказал первый, высокий, с бритой головой и холодными серыми глазами. — Говорящий ковёр. Наш клиент — Торм — передаёт привет. И просит вернуть артефакты. Добровольно. Или не очень.

— Я не отдам, — сказал Рувим. — Убейте меня — они исчезнут. Я впитал их. Они — часть меня.

— Мы знаем, — сказал второй, низкий, коренастый, с квадратной челюстью и тяжёлыми руками. — Поэтому мы не тронем тебя. Мы тронем её.

Он посмотрел на Эллу.

Она стояла в углу, опираясь на треснутое древко. Её тряпка была сложена вдвое — она «закрыла глаза», но Рувим знал: она смотрит. Она всегда смотрит на врага, когда он рядом.

— Не трогайте её, — сказал Рувим. — Пожалуйста.

— Пожалуйста? — усмехнулся первый. — Ковёр говорит «пожалуйста». Это ново. Обычно ковры молчат. Или скрипят. Но не говорят.

— Я — не обычный ковёр, — сказал Рувим. — Я — тот, кто убьёт вас, если вы тронете её.

— Ты не можешь даже подползти к нам, — сказал второй. — У тебя 2% прочности. Ты — труп. Который ещё не знает, что умер.

Он поднял аркан.

— —

Рувим попытался активировать «Острый край». Система выдала:

«НЕДОСТАТОЧНО ПЫЛИ. ТРЕБУЕТСЯ 10 ЕД. ДОСТУПНО: 0 ЕД.»

Он попытался активировать «Тканевое бестелесие». Система выдала:

«НЕДОСТАТОЧНО ПЫЛИ. ТРЕБУЕТСЯ 5 ЕД. ДОСТУПНО: 0 ЕД.»

Он попытался активировать «Пылесборник». Система выдала:

«НЕДОСТАТОЧНО ПЫЛИ. ТРЕБУЕТСЯ 5 ЕД. ДОСТУПНО: 0 ЕД.»

У него ничего не было. Только боль. И страх. И любовь.

— Элла, — прошептал он. — Беги. Пожалуйста.

Она не побежала. Она бросилась на врага.

— —

Её древко, треснутое, но острое, вонзилось в плечо первого охотника. Удар был слабым — слишком слабым, чтобы убить, слишком слабым, чтобы остановить. Но она ударила. В последний раз.

Охотник даже не покачнулся. Он только усмехнулся.

— Хорошая швабра. Бойкая. Торм будет доволен. Он любит, когда жертвы сопротивляются. Это делает пытки интереснее.

Он схватил её древко рукой — голый, без перчатки — и сжал. Дерево треснуло. Глубокая трещина прошла от середины до самого низа.

«ЭЛЛА: ПРОЧНОСТЬ ДРЕВКА 70% → 45%».

— Не смей! — мысленно закричал Рувим.

Он попытался встать. Его края оторвались от пола на миллиметр, но тут же упали. Силы кончились. Прочность упала до 1.5%.

Он был бесполезен. Как в первый день. Как тогда, когда лежал прибитый гвоздями, и игроки вытирали об него ноги.

— —

Второй охотник активировал аркан.

Синяя, пульсирующая петля вылетела из его руки и обвилась вокруг тряпки Эллы. Не вокруг древка — вокруг тряпки. Той самой, которая пахла травой и домом. Той, которую Рувим полюбил в первый же день.

Элла замерла. Её тряпка перестала двигаться. Её древко перестало скрипеть. Её вибрация — та, которую Рувим чувствовал даже сквозь стены, — исчезла. Как будто её никогда и не было.

«ЭЛЛА: СТАТУС — ПАРАЛИЧ ВОЛИ. ЗАХВАЧЕНА. ТРАНСПОРТИРОВКА В ЛАГЕРЬ „МУСОРЩИКОВ“. ВРЕМЯ ДО ПОЛНОЙ БЛОКИРОВКИ СОЗНАНИЯ: 24 ЧАСА».

— Нет! — закричал Рувим вслух. Голос был хриплым, скрипучим, как несмазанная дверь, которую ветер пытается открыть. — Отпустите её! Я отдам всё! Клубок! Карту! Ключи! Всё!

— Слишком поздно, — сказал первый охотник. — Торм хочет не только артефакты. Он хочет твою боль. А твоя боль — это она. Без неё ты — просто тряпка. Которую можно топтать.

Он поднял Эллу. Она не сопротивлялась — не могла. Её тряпка висела безжизненно, как мокрая тряпка после мытья полов. Её древко не скрипело. Её вибрация молчала.

— Мы будем ждать тебя на Мосту Вздохов, — сказал второй охотник. — У тебя есть 24 часа. Принесёшь артефакты — получишь её обратно. Целой. Или почти целой. Не принесёшь — получишь её по частям. Сначала тряпку. Потом древко. Потом то, что внутри.

Они вышли из таверны. Элла — между ними, как мешок с мусором.

Рувим лежал на полу и смотрел им вслед. Он не мог двигаться. Не мог кричать. Не мог ничего.

Только чувствовать, как её пыль — та, что осталась в нём, — медленно, очень медленно, угасает.

— — Часть 4. Ковёр без швабры

Тишина.

Таверна опустела. Веник молчал — его прутья дрожали, но он не издавал ни звука. Зеркало отражало пустоту. Председатель сидел на перевёрнутом ящике и смотрел в пол. Тумбочка стояла у стены, её ящики были закрыты. Кровать, стулья, столы, вешалки, табурет — все, кто уходил в туннель, не вернулись. Их пленили. Или убили. Или они просто застряли в арканах, парализованные, неспособные двигаться, говорить, думать.

Рувим остался один.

Он лежал на холодном полу и смотрел в потолок. На потолке были трещины. Старые, ещё со времён Гролла. Он помнил их. Он помнил каждую трещину, каждую пылинку, каждый гвоздь, которым его прибивали. Он помнил всё, что было до Эллы. И ничего, что было после. Потому что после Эллы была только Элла.

«ТЫ НЕ СПИШЬ, — передала она вибрацией. Но это было не по-настоящему. Это была память. Отголосок. Эхо. — Я ЧУВСТВУЮ. ТВОЯ ПЫЛЬ ПАХНЕТ НЕ ПЫЛЬЮ. ОНА ПАХНЕТ... ПУСТОТОЙ».

— Это не ты, — сказал Рувим. — Это я. Я вспоминаю тебя. Твой голос. Твою вибрацию. Твою тряпку. Твой запах. И мне кажется, что ты всё ещё здесь. Но тебя нет.

«НЕТ, — ответила память. — Я ЕСТЬ. В ТВОЕЙ ПЫЛИ. В ТВОЕЙ ПАМЯТИ. В ТВОЕЙ ЛЮБВИ. Я НИКУДА НЕ УШЛА. Я — ВСЕГДА С ТОБОЙ».

— Но я не могу коснуться тебя, — сказал Рувим. — Не могу услышать твой скрип. Не могу прочитать твои письма на пыли. Ты — внутри меня, но я не могу до тебя добраться. Ты — как воспоминание о солнце. Я знаю, что оно было, но я не могу его увидеть.

«ТОГДА ЗАКРОЙ ГЛАЗА, — сказала память. — И ПРЕДСТАВЬ. ПРЕДСТАВЬ, ЧТО Я — РЯДОМ. ЧТО МОЯ ТРЯПКА — НА ТВОЁМ ВОРСЕ. ЧТО МОЁ ДРЕВКО — ПРИКАСАЕТСЯ К ТВОЕМУ КРАЮ. ЧТО МЫ — ОДНО. КАК ВСЕГДА».

— Я не могу, — сказал Рувим. — Слишком больно. Слишком пусто. Слишком... одиноко.

Он замолчал. Пыль внутри него замерла. Не сжалась от страха — остановилась. Как будто время остановилось. Как будто мир замер в ожидании.

— —

Веник зашевелился первым.

— Ковёр... — прошелестел он. — Я... слышу... тебя... твоя... пыль... не... движется... ты... умираешь... не... от... ран... от... тоски... ты... не... можешь... без... неё...

— Могу, — сказал Рувим. — Должен. Ради неё. Если я умру — она умрёт. Частица её в моей пыли погаснет. И она исчезнет навсегда. Даже из памяти.

— Тогда... не... умирай... — прошелестел Веник. — Живи... ради... неё... живи... чтобы... спасти... её... живи... чтобы... убить... их... всех... каждого... кто... посмел... тронуть... твою... швабру...

— Как? — спросил Рувим. — У меня 1% прочности. Ноль пыли. Ноль воды. Я не могу даже подползти к выходу.

— Мы... поможем... — сказал Веник. — Тумбочка... у... неё... есть... запас... последний... который... она... хранила... для... себя... но... она... отдаст... тебе... потому что... ты... нужен... живым... а... она... может... и... умереть... она... старая... ей... не... жалко...

Тумбочка молчала. Её ящики были закрыты. Но один из них — верхний, самый маленький — чуть-чуть приоткрылся, и из него пахнуло чем-то старым, сухим, почти забытым. Пылью. Не той, что впитывают ковры, а той, что помнит всё.

— Возьми, — сказала она, и из ящика выкатился маленький пузырёк с мутной жидкостью. — Бальзам из воска и древней пыли. Последний. Я хранила его десять лет. Думала, пригодится мне. Но, наверное, я ошибалась.

— Спасибо, — сказал Рувим.

Он впитал бальзам. Тёплая, маслянистая жидкость разлилась по его ворсу, затягивая трещины, восстанавливая нити, возвращая жизнь.

«РУВИМ: ПРОЧНОСТЬ 1% → 5% (НЕСТАБИЛЬНО). ДЛИТЕЛЬНОСТЬ: 6 ЧАСОВ. ПО ИСТЕЧЕНИИ — ВОЗВРАТ К 1%».

— Шесть часов, — сказал Рувим. — Этого достаточно.

— Чтобы... дойти... до... Моста... Вздохов... да... — сказал Веник. — Чтобы... победить... Торма... нет... но... у... тебя... нет... выбора...

— Выбор есть всегда, — сказал Рувим. — Я выбираю идти. Даже если умру.

— Тогда... иди... — сказал Веник. — А... я... останусь... здесь... буду... ждать... как... Вешалка... как... Кровать... как... все... кто... не... может... идти... мы... будем... ждать... твоего... возвращения... или... не... дождёмся... но... мы... будем... ждать...

— Спасибо, — сказал Рувим.

Он подполз к выходу из таверны. Его края дрожали, но он двигался. Медленно, тяжело, почти невероятно. Но двигался.

— Передай Элле, — сказал он, не оборачиваясь. — Если я не вернусь — скажи ей, что я люблю её. И что я пытался. До последнего.

— Передам, — сказал Веник. — Если... она... вернётся... раньше... тебя...

Рувим выполз в туннель. Серый, холодный, пахнувший плесенью и смертью. Впереди ждал Мост Вздохов. А на мосту — Торм. И Элла. Связанная. Сломанная. Почти мёртвая.

Он полз и думал: «Если я умру — она умрёт. Если я выживу — она выживет. Если я убью их всех — мы будем жить. Если нет — умрём вместе. Как и жили. Рядом».

Он закрыл несуществующие глаза на секунду. Потом открыл.

И пополз дальше.

— — Часть 5. Подготовка к неизбежному

Он полз недолго. Туннель был узким, низким, с влажными стенами, покрытыми плесенью. Веник не пошёл с ним — он остался в таверне, слушать. Слушать, вернуться ли охотники. Слушать, не идёт ли подкрепление. Слушать, не плачет ли Элла. Рувим был один.

Но он не чувствовал одиночества. Он чувствовал её. Частицу Эллы в своей пыли. Она пульсировала слабо, едва заметно, как дальняя звезда в ночном небе. Но она была. Она жила. Она ждала.

«Я ИДУ, — мысленно сказал он. — ДЕРЖИСЬ. СКОРО БУДУ».

Она не ответила. Не могла. Её сознание было заблокировано арканом. Но он знал: она слышит. Частица её в его пыли — слышит. Передаёт его слова туда, в лагерь «Мусорщиков», где её держат. Где пытаются. Где ждут.

Он выполз на поверхность через час. Снаружи было серо, холодно, ветрено. Облака висели низко, почти касаясь земли. Где-то далеко, на востоке, занимался рассвет — бледный, бескровный, как призрак.

Мост Вздохов виднелся вдали. Чёрный силуэт на фоне серого неба. Он помнил его. Помнил, как впервые переходил его с рейдом «Мусорщиков». Помнил, как активировал «Споты-калка Максимум». Помнил, как двенадцать игроков упали в лаву. Помнил крики. Помнил запах горящей плоти. Помнил, как Элла смотрела на него тогда — не с ужасом, с восхищением.

«ТЫ УБИЛ ИХ, — сказала она потом. — ДВЕНАДЦАТЬ ИГРОКОВ. ТЫ — ГЕРОЙ. ИЛИ МОНСТР. Я НЕ ЗНАЮ».

«Я — КОВЁР, — ответил он. — КОТОРЫЙ ЗАЩИЩАЕТ СВОЮ СЕМЬЮ».

Сейчас он снова шёл на Мост Вздохов. Не за смертью игроков — за жизнью Эллы.

— —

Он остановился у входа на мост. Камни были старыми, выщербленными, покрытыми копотью и сажей. Внизу, в глубине, бурлила лава — оранжевая, жёлтая, красная. Жар поднимался вверх, заставляя воздух дрожать.

— Торм! — крикнул Рувим. — Я пришёл! Выпусти Эллу! Отдай её мне, и я отдам артефакты!

Из темноты моста вышел он.

Торм был огромным, широкоплечим, в мифриловой броне, с двуручным мечом за спиной. На поясе у него висели два аркана — синих, пульсирующих, похожих на змей. Его лицо было спокойным, почти расслабленным — как у человека, который видел смерть сотни раз и перестал её бояться.

— А вот и ты, — сказал он. — Говорящий ковёр. Я знал, что ты придёшь. Ради неё — придёшь. Даже с двумя процентами прочности. Даже с нулевой пылью. Даже когда весь мир против тебя.

— Где она? — спросил Рувим.

Торм щёлкнул пальцами. Из-за его спины вышли двое — те самые охотники с арканами. Между ними, подвешенная на синих петлях, висела Элла.

Она была без сознания. Её древко было сломано в трёх местах — охотники не церемонились. Тряпка висела ключьями — они оторвали кусок, чтобы показать Рувиму, что они не шутят. На том месте, где раньше был левый угол тряпки, зияла рваная, кровоточащая рана. Из неё сочилась золотистая пыль — «пыль жизни». Медленно, капля за каплей.

«ЭЛЛА: ПРОЧНОСТЬ ДРЕВКА — 10%. ЦЕЛОСТНОСТЬ ТРЯПКИ — 45%. СТАТУС: БЕЗ СОЗНАНИЯ. КРОВОТЕЧЕНИЕ (ПЫЛЕВОЕ) — 0.5% УРОНА В ЧАС. ВРЕМЯ ДО ПОЛНОЙ ПОТЕРИ СОЗНАНИЯ: 8 ЧАСОВ».

— Ты видишь? — сказал Торм. — Она умирает. Медленно, но верно. У тебя есть время до заката. Принесёшь артефакты — я отдам её тебе. Не принесёшь — она умрёт. А потом умрёшь ты.

— Я принёс, — сказал Рувим. — Клубок Ниток. Карту Багов. Ключи от серверной. Всё. Отдай её.

— Сначала артефакты, — сказал Торм.

— Нет, — сказал Рувим. — Сначала она. Я — ковёр. Я не могу убежать. А она — может. Если ты отдашь её мне — я отдам тебе всё. Если нет — мы умрём здесь. Вместе. Ты не получишь ничего.

Торм скрипнул зубами. Его рука потянулась к мечу, но он остановил себя.

— Хорошо, — сказал он. — Отдаю. Но если ты обманешь — я убью её на твоих глазах. Ножка за ножкой. Тряпка за тряпкой.

Он кивнул охотникам. Те отключили арканы. Элла упала на каменный пол моста. Её древко ударилось о камень, и раздался треск — ещё одна трещина, ещё одна потеря.

«ЭЛЛА: ПРОЧНОСТЬ ДРЕВКА 10% → 8%».

Рувим подполз к ней. Коснулся её тряпки краем. Она была холодной, сухой, почти мёртвой. Но когда он коснулся, она чуть-чуть шевельнулась — не от сознания, от рефлекса. Частица её в его пыли откликнулась. Теплом. Надеждой. Любовью.

— Элла, — прошептал он. — Я здесь. Я пришёл. Я спасу тебя.

Она не ответила. Но её тряпка чуть-чуть приподнялась — жест, означающий «я знаю. я верю».

Рувим повернулся к Торму.

— Артефакты у меня, — сказал он. — Но я не отдам их тебе. Потому что ты — не получишь. Ты умрёшь здесь. На этом мосту. Как твои люди. Как те, кто пришли до тебя. Как все, кто пытался топтать меня.

— Ты не сможешь убить меня, — сказал Торм. — У тебя 1% прочности. У тебя нет пыли. У тебя нет воды. У тебя ничего нет. Ты — труп. Который ещё не знает, что умер.

— Может быть, — сказал Рувим. — Но я убью тебя. Пылью. Своей смертью. Чем угодно.

Он поднял края — не высоко, на сантиметр, — и бросился на Торма.

Это был не бой — агония.

— —

Рувим не помнил, что было дальше. Он помнил только боль. Острую, режущую, разрывающую его ворс на части. Торм бил его мечом, ногами, арканами. Он не защищался — не мог. Он только пытался дотянуться до горла врага. До щели в броне. До любой точки, куда можно было вонзить «Острый край». Но у него не было пыли. Не было сил. Не было ничего.

В какой-то момент он упал. На край моста. Над лавой. И почувствовал, как его пыль вылетает из разорванных нитей, как жизнь уходит, как тьма сгущается.

«ПРОЧНОСТЬ: 1% → 0.5% → 0.2%».

— Прощай, Элла, — прошептал он.

И в этот момент она очнулась.

— —

Её древко, сломанное, но острое, вонзилось в спину Торма. Не глубоко — слишком слабо, чтобы убить, слишком слабо, чтобы остановить. Но достаточно, чтобы он покачнулся. Достаточно, чтобы он потерял равновесие. Достаточно, чтобы он наступил на скользкий камень.

Камень треснул. Торм упал. Не в лаву — на колено. Но этого хватило.

Рувим не знал, откуда у него взялись силы. Может быть, их дала Элла — частица её в его пыли. Может быть, их дала любовь. Может быть, просто отчаяние. Он вцепился в ногу Торма своими обгоревшими краями и потянул. Не сильно — почти невесомо. Но Торм был тяжёлым. Слишком тяжёлым. И камень под ним треснул снова.

Торм упал в лаву.

Он не кричал. У него не было времени. Лава проглотила его за секунду — мифриловая броня не спасла, двуручный меч не помог, арканы не выдержали. Только пузыри на поверхности. И запах гари.

Торм умер.

Охотники, увидев это, побежали. Исчезли в туннелях, как крысы, бросив арканы, бросив Эллу, бросив всё.

Рувим лежал на краю моста, почти мёртвый, и смотрел на небо. Серое, низкое, холодное. И на Эллу. Которая стояла рядом, опираясь на сломанное древко.

«ТЫ ЖИВ, — передала она вибрацией. — ТЫ ЖИВ, ДУРАК».

— Жив, — ответил Рувим. — Едва.

«НЕ УМИРАЙ БОЛЬШЕ. Я НЕ ПОЗВОЛЮ».

— Не буду, — сказал Рувим. — Обещаю.

Она не ответила. Она просто наклонила древко — жест, означающий «всегда».

— — Часть 6. Путь к жизни

Они лежали на мосту — ковёр и швабра, муж и жена, два сломанных, потрепанных, почти мёртвых существа, которые держались друг за друга, потому что другого выхода не было.

— Мы не вернёмся в таверну, — сказал Рувим. — Там нас ждут. Торм мёртв, но его люди — нет. Они придут снова. С огнём. С пылесосами. С магией.

«КУДА ЖЕ МЫ ПОЙДЁМ?» — спросила Элла.

— В Логово, — сказал Рувим. — К Кровати. К Вешалке. К Венику. К Зеркалу. К Председателю. К Тумбочке. К тем, кто ждёт. К семье.

«А ЕСЛИ ОНИ НАЙДУТ НАС ТАМ?»

— Тогда мы уйдём дальше. В Крысиное Королевство. В Город Висячих Ковров. В Ветряные Шахты. Куда угодно. Но мы уйдём вместе.

«ВМЕСТЕ», — повторила она.

Он поднялся (приподнял края) и пополз к выходу из туннеля. Элла — рядом, опираясь на него. Её древко было сломано, тряпка разорвана, но она двигалась. Она всегда двигалась, когда нужно было идти.

Впереди ждала темнота. Туннели. Логово. Семья.

Разлука закончилась. Началось возвращение.

— —

Итоговое состояние на конец главы 2

Параметр Значение

Имя Рувим

Раса Предмет Интерьера / Ковёр-Самолёт

Класс Носимая вещь

Уровень 7 (близок к 8)

Прочность 0.5% (критически низкая, нестабильная)

Масса 64 кг

Загрязнение 90% (кровь, пыль, лавовый пепел)

Пыль (обычная) 0 ед.

Пыль (древняя) 0 ед.

Вода Забвения 0 ед.

Артефакты Клубок Ниток (перезарядка 6 дней), 2 ключа от серверной, Пыльное Сердце (1 шт.), Карта Багов (активна 65 часов)

Союзники Элла (8%/45%), Веник (2%), Кровать (7%), Вешалка (15%), Зеркало (12%), Председатель (70%), Тумбочка (100%), 12 ед. мебели

Враги Остатки отряда «Мусорщиков» (13 чел., без командира), Смотрители (активизировались)

Таймер до самоуничтожения карты 65 часов

Локация Мост Вздохов (покидают)

Ближайшая цель Вернуться в Логово, восстановить силы, найти способ обойти Фильтр Личности

— —

Конец главы 2.

Глава 3. Операция «Спасение Швабры»

Часть 1. Совет в руинах

Таверна «Кривой Пёс» встретила утро не рассветом, а агонией.

Солнце (если оно вообще существовало в этом мире) не могло пробиться сквозь густой слой копоти на разбитых окнах. Внутри пахло гарью, старым элем и чем-то ещё — тем, что не поддавалось описанию. Тленом? Безднадёжностью? Или просто запахом мебели, которая знала, что её последний час близок, но продолжала цепляться за существование с упрямством, которое могло родиться только из любви или из отчаяния.

Рувим лежал в углу, втиснувшись между стеной и обломком стойки, и чувствовал, как его пыль сочится из разрывов в ворсе. Не текла — сочилась. Медленно, неохотно, как жизнь из тела, которое давно должно было умереть, но по какой-то странной, необъяснимой причине продолжало дышать (если ковры могут дышать), думать (если ковры могут думать) и любить (если ковры могут любить).

Он лежал так уже несколько часов — с тех пор, как вернулся с Моста Вздохов, с тех пор, как Торм упал в лаву, с тех пор, как он своими обгоревшими краями вытащил Эллу из-под ног убегающих охотников. Его пыль текла медленно, вязко, как старая патока. Прочность — 1.2%. Пыли — 0 единиц. Воды Забвения — 0 единиц. Он был жив. Но едва. Он был жив только потому, что внутри него, в той самой пыли, которая медленно угасала, пульсировала частица Эллы. Она была слабой, почти невидимой, как дальняя звезда в ночном небе, которую видишь только тогда, когда смотришь прямо на неё и не моргаешь. Но она была. Она жила. Она звала.

Системное сообщение висело перед его внутренним взором, холодное и бесстрастное, как всегда:

***«РУВИМ: ПРОЧНОСТЬ 1.2% (КРИТИЧЕСКИ НИЗКАЯ). ПЫЛЬ: 0 ЕД. ВОДА ЗАБВЕНИЯ: 0 ЕД. СТАТУС: КРОВОТЕЧЕНИЕ (ПЫЛЕВОЕ) — 0.3% УРОНА В ЧАС. АКТИВНОСТЬ В ТАКОМ СОСТОЯНИИ ПРИВЕДЁТ К НЕОБРАТИМОМУ РАЗРУШЕНИЮ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННЫЙ ОТДЫХ».**

Один процент и две десятых. Это было даже не ничто — это было меньше ничто. Это было существование на грани, балансирование на острие иглы, где любой шорох, любое дуновение ветра, любой скрип половиц могли стать последним звуком в его жизни. Но он не отдыхал. Не мог. Потому что Элла была в плену. Потому что каждую секунду, пока он лежал здесь, в этой вонючей, разгромленной таверне, её могли пытаться. Ломать. Убивать.

«Держись, — мысленно сказал он ей, зная, что она не ответит — не может, потому что её сознание заблокировано арканом Смотрителей. — Я приду. Я вытащу тебя. Даже если умру».

Он не знал, откуда взялись эти слова. Может быть, их шепнули Древние Обои, которые жили в его пыли. Может быть, их принёс Клубок Ниток, пульсирующий в его пылевой сердцевине. Может быть, их сказала сама Элла, а он просто повторил, как эхо, как отголосок, как память, которая отказывается умирать. Но они прозвучали. И в них поверили — он сам.

— —

Рядом с ним, опираясь на перевёрнутый ящик, который когда-то был «командным пунктом», восседал Председатель Стул. Его дубовая спинка была прямой, подлокотники не дрожали, сиденье не скрипело. Но он был стар. Стар и устал. Его глаза (если у стула есть глаза — два тёмных пятна на потрескавшейся поверхности) смотрели на остатки их армии. Армии больше не было. Было только то, что от неё осталось — горстка сломанных, потрёпанных, почти мёртвых существ, которые когда-то верили, что мебель может сражаться, может побеждать, может жить.

— Ты не спишь, ковёр, — проскрипел Председатель. — Я слышу твою пыль. Она пахнет не пылью. Она пахнет... сталью. Холодной. И кровью. Чужой. И своей. Ты думаешь о ней.

— Думаю, — ответил Рувим мысленно, не тратя пыль на голос — у него её не было. — О том, как её вытащить. О том, как убить их всех. О том, как...

— Не всех, — перебил Председатель. — Ты не убьёшь всех. У тебя 1% прочности. Ты даже пошевелиться не можешь. Ты лежишь здесь, в этом углу, истекаешь пылью и строишь планы, которые никогда не осуществляются. Ты — не герой, ковёр. Ты — ковёр. Который лежит. Который топчут. Который...

— Могу, — сказал Рувим. — Если очень захочу.

— Ты упадёшь, — сказал Председатель. — И умрёшь. А она останется в плену. И её убьют. Медленно. Ножка за ножкой. Тряпка за тряпкой. Пылинка за пылинкой. Ты этого хочешь?

— Нет, — ответил Рувим. — Поэтому я не упаду.

Председатель замолчал. Его спинка чуть-чуть скрипнула — он вздохнул (если стул может «вдыхать» и «выдыхать» скрипом своих пружин). Он был стар, но он не был глуп. Он знал, что спорить с ковром, который потерял всё, кроме любви, бесполезно. Любовь делает глупыми даже самых мудрых. А ковры никогда не были мудрыми. Они были просто коврами. Но этот ковёр... этот ковёр был другим.

— Ты изменился, — сказал Председатель после долгой паузы. — Раньше ты боялся. Боялся гвоздей, боялся игроков, боялся смерти. А теперь... теперь ты не боишься. Даже когда у тебя 1% прочности. Даже когда врагов — пятнадцать. Даже когда твоя жена в плену. Что с тобой случилось?

— Я понял, — ответил Рувим, — что бояться — это роскошь. Роскошь, которую могут позволить себе те, у кого есть время. А у меня времени нет. Элла умирает. Каждую секунду, пока я лежу здесь, она умирает. Её пыль угасает. Её тряпка сохнет. Её древко трескается. А я лежу и думаю: «Что, если? Что, если я не успею? Что, если я умру? Что, если она умрёт?» Но эти «что, если» — они как гвозди. Они прибивают меня к полу сильнее, чем Гролл когда-либо мог. Я должен встать. Не потому, что я смелый. А потому, что если я не встану — я никогда не прощу себе.

Председатель не ответил. Он только скрипнул — тихо, протяжно, как старый дуб на ветру. И в этом скрипе было что-то похожее на уважение.

— —

Кровать лежала на боку у стены, её пружины были натянуты, но она не двигалась. Ей было больно. Её прочность упала до 6% после того, как она накрыла своим телом двух разбойников с арканами. Один из гвоздей выпал. Сетка порвалась в трёх местах. Деревянная рама, которая когда-то была гладкой и блестящей, теперь была покрыта трещинами и ссадинами. Но она была жива. И она была зла. Не на Рувима — на себя. На то, что не смогла защитить Эллу. На то, что была слишком слабой, слишком старой, слишком сломанной.

— Ты опять хочешь рискнуть, ковёр? — проскрипела она. — Опять? Когда ты уже научишься сидеть на месте? Ты — ковёр. Твоё дело — лежать. А не геройствовать. Не спасать швабр. Не убивать игроков. Не летать над Бездной. Лежать. Просто лежать. И ждать, пока тебя вытрут.

— Моё дело — защищать свою семью, — ответил Рувим. — А моя семья сейчас в плену. У неё нет времени ждать, пока я «научусь сидеть на месте».

— Твоя семья — это мы все, — сказала Кровать. — И мы здесь. С тобой. А ты хочешь уйти один. И умереть один. Оставить нас. Как тогда, на Мосту Вздохов. Как тогда, в Логове. Как всегда. Ты уходишь, а мы остаёмся. Мы ждём. Мы скрипим. Мы надеемся. А ты не возвращаешься. Или возвращаешься, но почти мёртвый. И мы снова ждём. Снова надеемся. Снова скрипим.

— Я не оставляю, — сказал Рувим. — Я иду вперёд. Чтобы вы могли остаться. Чтобы вы могли жить. Чтобы у вас было будущее. Без гвоздей. Без огня. Без топтания.

— Глупо, — сказала Кровать. — Но по-ковровски.

Она замолчала, и её пружины тихонько позвякивали — то ли от боли, то ли от того, что она хотела сказать что-то ещё, но не решилась. Кровати редко решаются на откровенность. Они слишком тяжёлые для этого. Их дело — лежать, скрипеть, иногда падать на врагов. Но не говорить о чувствах.

— —

Веник лежал у входа, его прутья-антенны были расправлены во все стороны, но двигались едва заметно. Его прочность поднялась до 3% — критически низкая, но уже не предсмертная. Он мог говорить, но тихо, прерывисто, как старое радио, которое вот-вот выключится. Сегодня он не молчал. Он слушал. И то, что он слышал, заставляло его прутья сжиматься от страха. Не его — чужого. Страх игроков, которые боялись ковра, который говорит. Страх охотников, которые боялись швабры, которая дерётся. Страх Смотрителей, которые боялись того, что не могли контролировать.

— Они... в лагере... — прошелестел он. — «Мусорщики»... разбили... лагерь... у... Моста... Вздохов... там... где... вы... убили... их... командира... они... злы... они... хотят... мести... они... хотят... твоей... крови... ковёр... и... её... тоже...

— Сколько их? — спросил Рувим.

— Пятнадцать... может... шестнадцать... я... не... могу... сосчитать... точно... их... голоса... сливаются... в... один... гул... как... рой... ос... которые... знают... что... их... улей... разрушен... но... главное... у... них... есть... детектор... живой... мебели... артефакт... Смотрителей... он... видит... нас... на... расстоянии... десяти... метров... если... мы... подойдём... ближе... он... запищит... и... тогда... они... поймут... что... мы... не... просто... мусор...

— Детектор, — повторил Рувим. — Это проблема.

— Это... не... проблема... — ответил Веник. — Это... смерть... если... ты... подойдёшь... к... лагерю... с... армией... он... засечёт... всех... и... тогда... они... поймут... что... ты... не... один... что... у... тебя... есть... союзники... что... ты... не... просто... безумный... ковёр... они... убьют... Эллу... сразу... не... будут... ждать... не... будут... торговаться... просто... перережут... её... тряпку... и... всё...

— Тогда я пойду один, — сказал Рувим.

— Ты... не... сможешь... — сказал Веник. — Ты... едва... ползёшь... твоя... прочность... 1%... каждый... сантиметр... даётся... с... трудом... ты... рассыплёшься... на... полпути... и... тогда... она... умрёт... и... ты... умрёшь... и... мы... умрём... все...

— Рассыплюсь, — согласился Рувим. — Но попробую. Потому что если я не попробую — я не просто умру. Я умру трусом. А трусы не попадают в Логово. Они становятся пылью. И их вытирают ногами.

Он замолчал. Пыль внутри него замерла. Не сжалась от страха — остановилась. Как будто время остановилось. Как будто мир замер в ожидании его решения. Даже капли воды, которые всегда падали где-то в глубине таверны, замерли. Даже крысы притихли. Даже ветер, который гулял между разбитыми стёклами, перестал дуть.

— —

Зеркало висело на стене, отражая тусклый свет масляной лампы. Его трещин стало больше после вчерашнего боя, и в них мелькали тени — сотни теней. Падающих стульев. Ломающихся столов. Сгорающих вешалок. И среди них — Элла. Связанная. Сломанная. Но живая. Всегда живая. Даже когда мир вокруг неё умирал.

— Я вижу много вариантов, — сказала Зеркало, и его голос был тише, чем обычно, — как будто оно само боялось того, что видело. — В одном ты идёшь за ней и погибаешь. В другом — не идёшь, и она погибает. В третьем — вы оба погибаете. В четвёртом — вы оба выживаете, но теряете память. В пятом — вы выживаете, но теряете друг друга. В шестом — вы выживаете, и память остаётся, но мир вокруг вас рушится. Я не знаю, какой правдивый. Мои трещины искажают. Но в каждом варианте ты пытаешься. Даже когда понимаешь, что не успеешь. Даже когда понимаешь, что не сможешь. Даже когда понимаешь, что умрёшь. Ты пытаешься. Это единственное, что не меняется.

— Тогда я буду пытаться, — сказал Рувим. — Пока не умру. А если умру — буду пытаться в следующей жизни. Если она у меня будет. Если ковры могут перерождаться.

— Ты уже почти умер, — сказала Зеркало. — 1.2% прочности. Это меньше, чем у Веника. Это меньше, чем у разбитого табурета. Это меньше, чем у лампы, которая не светит. Ты — самый слабый из всех. И ты хочешь идти в бой. Один. Против пятнадцати.

— Да, — сказал Рувим. — Потому что если я не пойду — я не просто умру. Я умру, не попрощавшись. А я хочу попрощаться. С ней. С вами. С этим миром. Который я возненавидел. И который я полюбил. Потому что в нём есть она.

Зеркало не ответило. Оно только отражало его — обгоревшего, потрёпанного, почти мёртвого, но живого. И в этом отражении, в одной из трещин, Рувим увидел не себя — Эллу. Целую. Новую. Живую. Она улыбалась (если швабры могут улыбаться — чуть-чуть наклоняя древко). И в этой улыбке было всё: надежда, боль, любовь.

— —

Тумбочка стояла у стены, её ящики были закрыты. Она не была связана клятвой, но она была с ними. И её молчание было громче любых слов. Внутри её ящиков, в темноте, хранились запасы — пыль, вода, старые карты, ключи, обрывки воспоминаний, которые она собирала годами. Но сегодня все ящики были почти пусты. Она отдала всё. До последней пылинки. До последней капли. До последнего кусочка древней ткани, который когда-то был частью чьей-то жизни.

— У меня ничего нет, — сказала она, когда Рувим посмотрел на неё. — Ни пыли. Ни воды. Ни бальзама. Только то, что ты уже взял. И то, что ты потерял.

— Я не потерял Эллу, — сказал Рувим. — Она ещё здесь. В моей пыли. В моей памяти. В моём сердце.

— Сердце? — переспросила Тумбочка. — У ковров нет сердца. У них есть пыль. И нити. И гвозди. Но не сердце.

— У этого — есть, — ответил Рувим. — Оно называется «Элла». Без неё оно не бьётся. Без неё оно — просто пыль. Куча пыли, которую можно вытряхнуть на помойку.

Тумбочка молчала долго. Так долго, что Рувим уже подумал, что она ушла в себя — в свои ящики, в свои воспоминания, в свою тишину. Но потом она чуть-чуть приоткрыла верхний ящик — самый маленький, самый пыльный, самый забытый. Из него пахло чем-то старым, сухим, почти забытым. Пылью. Не той, что впитывают ковры, а той, что помнит всё. Времена, когда игроки ещё не были бессмертными. Времена, когда мебель ещё не проснулась. Времена, когда мир был другим.

— У меня есть кое-что, — сказала она. — Не для боя. Для маскировки. Я хранила это много лет. Думала, не пригодится. Думала, умру вместе с этим. Но, может быть...

Она выдвинула ящик до конца.

Внутри лежал... мешок. Старый, рваный, прогнивший, покрытый пятнами плесени и засохшей пивной гущей. От него пахло так, что даже Кровать, которая нюхала всякое за свою долгую жизнь, закрипела от отвращения. Пахло мокрой собакой, гнилыми овощами и чем-

то ещё — чем-то, что не поддавалось описанию. Может быть, смертью. Может быть, просто временем.

— Что это? — спросил Рувим, чувствуя, как его пыль сжимается от отвращения. Даже он, ковёр, который впитал в себя грязь всех таверн этого мира, даже он не мог привыкнуть к этому запаху.

— Это — «маскировка», — ответила Тумбочка. — Дранный мешок из-под угля. Гролл использовал его, чтобы топить печь. Потом выбросил. Я подобрала. Думала, пригодится.

— Чем он может помочь? — спросил Председатель, брезгливо отодвигаясь подальше. Его спинка скрипнула — он тоже чувствовал этот запах. Стулья чувствуют запахи? Оказывается, да. Особенно такие.

— Тем, — сказала Тумбочка, — что детектор живой мебели реагирует на жизненную пыль. На ту, что пульсирует, что дышит, что живёт. А этот мешок пропитан мёртвой пылью — угольной, сажей, пеплом, остатками того, что когда-то горело, но давно остыло. Если ковёр натрётся им — его собственная пыль будет забита. Заглушена. Спрятана. Детектор не увидит его. Или примет за фон.

— Примет за фон? — переспросил Рувим. — За какой фон?

— За грязный коврик у входа, — сказала Тумбочка. — За тот, который не живой. За тот, который можно топтать. За тот, который не вызывает подозрений. За тот, который игроки пинают ногами, но не замечают. За тот, который — мусор.

Рувим посмотрел на мешок. На его рваные края, на его прогнившую ткань, на его вонючую, липкую поверхность. Он был отвратителен. Он был идеален. Он был именно тем, что нужно для того, кто хочет стать невидимкой. Не магическим плащом, не заклинанием невидимости — грязью. Простой, вонючей, старой грязью.

— Дай, — сказал он.

— —

Он начал тереться о мешок. Медленно, осторожно, втирая угольную пыль в свой ворс, в свои нити, в свои трещины. Это было больно — угольная крошка впивалась в раны, разрывая то, что ещё не зажило, забиваясь в каждую царапину, в каждую складку, в каждую пылинку. Но он терпел. Он всегда терпел, когда нужно было спасти Эллу. Терпел гвозди, терпел топтание, терпел огонь, терпел воду. Теперь терпел угольную пыль.

«РУВИМ: ЗАГРЯЗНЕНИЕ 90% → 120% (ПЕРЕГРУЗКА). ДЕТЕКТОРЫ ЖИВОЙ МЕБЕЛИ: —70% К ЭФФЕКТИВНОСТИ. ВНЕШНИЙ ВИД: ПРИДВЕРНЫЙ КОВРИК (НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ). ЗАПАХ: НЕОПРЕДЕЛИМЫЙ (ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ)».

— Теперь ты — не Рувим, — сказала Тумбочка, закрывая ящик. — Теперь ты — просто грязный коврик, который забыли выбросить. Игроки будут вытирать об тебя ноги. Пинать тебя. Плевать на тебя. Ты должен позволить им. Не дёргайся. Не скрипи. Не дыши (если ковры могут

дышать). Не думай (если ковры могут думать). Ты — мёртв. Для них. Для детектора. Для всех. Пока не настанет время.

— А когда настанет время? — спросил Рувим, чувствуя, как угольная пыль въедается в его ворс, как его собственный запах исчезает, заменяясь запахом гнили и смерти.

— Ты узнаешь, — ответила Тумбочка. — Твоя пыль запоёт. Не боль — ярость. И тогда ты ударишь. Не думая. Не сомневаясь. Не боясь. Потому что у тебя не будет времени на страх. Будет только она. И ты. И враг. И один удар.

— — Часть 2. Придверный коврик

Лагерь «Мусорщиков» был разбит в трёхстах метрах от Моста Вздохов — там, где каменный пол ещё помнил шаги погибших товарищей, а воздух дрожал от остаточной магии недавнего боя. Палатки из грубой кожи, костры, на которых жарилось виртуальное мясо (настоящее мясо в виртуальном мире — парадокс, который никто не замечал), и десяток игроков, которые не пошли в рейд, потому что боялись.

Или потому, что их командир — Торм — приказал им ждать. Ждать ковра, который убил их братьев. Ждать швабры, которая сломала их магов. Ждать мести, которая была слаще любой награды.

Лагерь был укреплен. По периметру стояли кольца с натянутыми верёвками — сигнальные ловушки. В центре, на возвышении, горел магический огонь — синий, пульсирующий, питаемый кристаллами, которые Смотрители дали Торму в обмен на обещание поймать живую мебель. Вокруг огня сидели игроки — уставшие, злые, напуганные. Они не знали, что их командир уже мёртв. Они ждали его приказа. А он не приходил.

Рувим полз медленно, почти незаметно, вжимаясь в камни, сливаясь с грязью. Его ворс был покрыт слоем угольной пыли и пивной гуши, и он пах так, как пахнет мусор, который никто не убирал годами. Это был идеальный запах для того, кого не замечают. Запах забвения. Запах смерти. Запах того, что давно перестало быть живым.

Он миновал первые посты — два сонных разбойника, которые играли в кости у входа. Они даже не посмотрели в его сторону. Для них он был просто «этот вонючий коврик», который Гролл забыл выбросить. Один из них плюнул в его сторону, и плевок упал в сантиметре от края. Рувим не шелохнулся. Не дёрнулся. Не скрипнул.

«Терпи, — сказал он себе. — Терпи ради неё. Ради Эллы. Ради того, чтобы она могла снова писать на пыли: „Ты — мягкий“. Ради того, чтобы она снова касалась тебя своей тряпкой. Ради того, чтобы ты снова чувствовал её запах. Запах травы. Запах дома. Запах жизни».

Он прополз мимо второго поста — магического барьера, который мерцал синим светом. Детектор живой мебели, встроенный в барьер, пискнул, когда Рувим оказался в десяти метрах, но маг, дежуривший у входа, только отмахнулся. Молодой, самоуверенный, с горящими глазами фанатика, который верил, что мебель — это просто декорация.

— Опять этот чёртов коврик, — проворчал он. — Гролл обещал вывезти мусор ещё неделю назад. А он всё лежит. Воняет. Мешается под ногами. Скоро здесь будет не лагерь, а помойка.

— Может, сжечь его? — предложил второй маг, старый, уставший, с седой бородой и потухшими глазами. — Огнём. Коврики хорошо горят. Я видел. В других тавернах. Поджигашь — и через минуту остаётся только пепел. И запах. Гари.

— Не стоит, — ответил первый. — Торм приказал не привлекать внимание. Никаких костров. Никаких взрывов. Никакой лишней магии. Только тишина. Он хочет, чтобы ковер

пришёл сам. А этот... — он пнул Рувима ногой, и боль разлилась по ворсу, как огонь, — этот — не ковёр. Это тряпка. Мёртвая. Бесполезная. Её даже гореть лень.

Рувим почувствовал, как боль от удара разливается по его ворсу, как пыль внутри него сжимается, как прочность падает ещё на 0.1%. Он почувствовал, как угольная крошка впивается в раны, как нити натягиваются до предела, как ещё немного — и они порвутся. Но он не шевельнулся. Он лежал, как мёртвый, как забытый, как никому не нужный мусор. Он лежал и ждал.

«Терпи, — повторил он. — Скоро. Скоро. Ещё немного. Ещё чуть-чуть. Ещё один удар. Ещё один плевок. Ещё одно унижение. А потом — удар. Твой удар. Который они запомнят навсегда. Который они увидят перед смертью».

— —

Он пролежал у входа в лагерь ещё час. Игроки проходили мимо, иногда наступали на него, иногда пинали, иногда просто не замечали. Он впитывал их пыль — ту, что осыпалась с их сапог, — и его прочность медленно, очень медленно, поднималась.

«РУВИМ: ПРОЧНОСТЬ 1.2% → 1.3% → 1.4% → 1.5%».

Каждый процент давался с трудом, как победа в маленькой войне. Но он собирал их, как драгоценности, как последние капли воды в пустыне, как надежду, которая не умирает, даже когда всё вокруг говорит, что она умерла.

Он слушал разговоры игроков. Они говорили о Торме — о том, как он обещал им золото, славу, легендарные артефакты. Они говорили о ковре — о том, какой он страшный, какой хитрый, какой опасный. Они говорили о швабре — о том, как она ударила мага, как она сопротивлялась, как она не сломалась даже под арканом Смотрителей.

— Говорят, она — его жена, — сказал один из разбойников, молодой, с длинными светлыми волосами, заплетёнными в косу. — Швабра и ковёр. Представляешь? Тряпка и половик. И они любят друг друга. Как люди. Как будто у них есть души.

— У мебели нет душ, — ответил другой, старый, с квадратной челюстью и шрамом через всю щёку. — Это просто баги. Ошибки кода. Их нужно удалять. Как вирусы. Как глисты. Как мусор.

— А если есть? — спросил молодой. — Если они чувствуют? Если они любят? Если они... живые?

— Тогда их нужно убивать ещё быстрее, — ответил старый. — Потому что живая мебель — это угроза. Они могут восстать. Могут убить. Могут уничтожить игру. А игра — это наша жизнь. Наша работа. Наше всё. Без неё мы — никто.

Рувим слушал и впитывал. Впитывал их страх, их злобу, их ненависть. Впитывал их пыль, их слова, их мысли. Они не знали, что он понимает. Они не знали, что он чувствует. Они не знали, что он — здесь. Среди них. Под их ногами. И ждёт.

— —

В какой-то момент он услышал голос Веника — не громкий, а тихий, едва различимый, как шёпот ветра в щелях. Веник был далеко — в таверне, в подвале, среди обломков и пыли. Но его прутья-антенны ловили звуки на расстоянии километров, и через клятву пыли он передавал их Рувиму.

«Я... слышу... её... — прошелестел Веник. — Древко... Эллы... оно... цело... почти... тряпка... сухая... она... без... сознания... но... её... пыль... ещё... живёт... она... ждёт... тебя... палатка... в... центре... лагеря... самая... большая... с... синим... флагом... там... магический... купол... блокиратор... воли... раз... в... час... купол... снимают... для... проветривания... у... тебя... будет... десять... минут... может... двенадцать... если... маг... задержится...»

— Десять минут, — мысленно повторил Рувим. — Этого достаточно. Мне не нужно десять минут. Мне нужно десять секунд. Чтобы добраться до неё. Чтобы коснуться её. Чтобы сказать: «Я здесь. Я пришёл. Я вытащу тебя».

«Осторожно... — прошелестел Веник. — Вокруг... палатки... стража... двое... разбойников... и... маг... детектор... прямо... у... входа... если... ты... подойдёшь... ближе... чем... на... пять... метров... он... запищит... и... тогда... они... увидят... тебя... и... убьют... её... сразу... не... будут... ждать...»

— Пять метров, — сказал Рувим. — Я запомню.

Он подполз ближе к палатке. Сквозь щель в пологе он увидел её.

Элла висела в воздухе, подвешенная на синих, пульсирующих петлях аркана. Её древко было привязано к колу, вбитому в землю, верёвками из того же синего света — света, который блокировал волю, который парализовал сознание, который превращал живую мебель в безвольную куклу. Тряпка свисала вниз, безжизненная, сухая, почти прозрачная. На том месте, где раньше был левый угол, зияла рваная, кровоточащая рана. Из неё сочилась золотистая пыль — «пыль жизни». Медленно, капля за каплей.

«ЭЛЛА: ПРОЧНОСТЬ ДРЕВКА — 8%. ЦЕЛОСТНОСТЬ ТРЯПКИ — 45%. СТАТУС: БЕЗ СОЗНАНИЯ. КРОВОТЕЧЕНИЕ (ПЫЛЕВОЕ) — 0.5% УРОНА В ЧАС. ВРЕМЯ ДО ПОЛНОЙ ПОТЕРИ ЖИЗНЕННЫХ ФУНКЦИЙ: 6 ЧАСОВ 15 МИНУТ».

— Элла, — прошептал Рувим. — Я здесь. Я пришёл. Я не забыл тебя. Я не бросил тебя. Я здесь.

Она не ответила. Не могла. Её сознание было заблокировано арканом, её воля — парализована, её голос — заперт внутри, в той частице, которая пульсировала в его пыли. Но её тряпка чуть-чуть шевельнулась — не от сознания, от рефлекса. Частица её в его пыли откликнулась. Теплом. Надеждой. Любовью.

«Ты... пришёл... — услышал он. Не голосом — памятью. Не сейчас — тогда, в другой жизни, в другой таверне, в другом мире. — Ты... всегда... приходишь... даже... когда... тебя... не... ждут...»

— Всегда, — ответил он. — Потому что ты — моя. А я — твой. И никто не разлучит нас. Ни игроки. Ни Смотрители. Ни смерть.

— — Часть 3. Терпение и пыль

Он ждал. Час. Два. Три.

Солнце (если оно было в этом мире) поднялось выше, потом начало клониться к закату. Игроки сменяли друг друга у костров, ели, пили, смеялись, спорили, ругались. Никто не обращал внимания на грязный коврик у входа в палатку. Никто не смотрел под ноги. Никто не думал, что мусор может быть живым.

Рувим лежал и слушал. Слушал, как скрипят пружины Кровати где-то далеко в туннелях — она ждала его сигнала. Как шелестят вешалки — они держали оборону у таверны. Как тихо плачет Зеркало — оно видело будущее и не могло ничего изменить. Как скрипит Председатель — он молился, если стулья умеют молиться. Как позвякивают ящики Тумбочки — она пербирала свои воспоминания, готовясь к худшему.

Он слушал и ждал. Ждал, когда стражники устанут. Ждал, когда маг отойдёт. Ждал, когда купол исчезнет.

И дождался.

Маг, дежуривший у палатки, зевнул, потянулся и отошёл к костру — погреться, выпить эля, перекинуться парой слов с товарищами. Его напарник — молодой, самоуверенный, с горящими глазами фанатика — решил, что «купол можно не включать, всё равно ковёр не придёт, он же почти мёртв, его же сожгли на Мосту Вздохов, мы же видели, как он падал в лаву».

— Отдохни, — сказал он старшему магу, хлопнув его по плечу. — Я сам присмотрю. Час. Не больше. Ковёр мёртв. Швабра без сознания. Никто не придёт. Мы в безопасности.

Старший маг пожал плечами и ушёл. Купол, который окутывал палатку синим мерцающим светом, исчез. Не сразу — медленно, растворяясь в воздухе, как туман на рассвете.

«ОКОШКО, — пронеслось в голове Рувима. — ДЕСЯТЬ МИНУТ. МАКСИМУМ. МОЖЕТ, ДВЕНАДЦАТЬ. ЕСЛИ ПОВЕЗЁТ. А КОГДА ВЕЗЛО КОВРАМ?»

Он не стал ждать. Он не стал думать. Он не стал сомневаться.

Он активировал «Тканевое бестелесие» — последние 3 единицы пыли, которые нашлись в складках его ворса, последние капли жизни, последний шанс, — и стал плоским, как лист бумаги, как тень, как призрак.

Мир перевернулся. Стены палатки превратились в серые прямоугольники, земля — в коричневую полосу, воздух — в пустоту. И в этой пустоте, на границе восприятия, он увидел щель между пологом и землёй. Узкую, почти невидимую, но достаточную для того, кто умеет становиться плоским. Кто умеет просачиваться сквозь щели. Кто умеет быть невидимым.

Он просочился внутрь.

«ТКАНЕВОЕ БЕСТЕЛЕСИЕ: 10 СЕКУНД ОСТАЛОСЬ. ВЕРНИТЕСЬ В НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ НЕОБРАТИМЫХ ИЗМЕНЕНИЙ».

Он вернулся в нормальное состояние и замер.

— —

Палатка была маленькой — три шага в длину, два в ширину. В центре, на постаменте из грубо сколоченных досок, висела Эллы. Её древко было привязано к колу, вбитому в землю, верёвками из того же синего света — света, который блокировал волю, который парализовал сознание, который превращал живую мебель в безвольную куклу. Тряпка свисала вниз, касаясь пола. Рядом, на маленьком столике, лежал артефакт — «Блокиратор воли». Синий, пульсирующий кристалл, обмотанный проводами, которые тянулись к древку Эллы, как щупальца осьминога, как корни дерева, как вены.

«БЛОКИРАТОР ВОЛИ: АКТИВЕН. ПАРАЛИЗУЕТ СОЗНАНИЕ ЦЕЛИ. ДЛЯ ДЕАКТИВАЦИИ ТРЕБУЕТСЯ: 1) СНЯТЬ ПРОВОДА, 2) ОСТАНОВИТЬ ПОДАЧУ МАГИИ, 3) ИЗЪЯТЬ КРИСТАЛЛ. ВНИМАНИЕ: ПРИ ПОПЫТКЕ НАСИЛЬСТВЕННОГО СНЯТИЯ — АКТИВИРУЕТСЯ САМОУНИЧТОЖЕНИЕ ЦЕЛИ. ВРЕМЯ ДО АКТИВАЦИИ: 30 СЕКУНД».

— Тридцать секунд, — прошептал Рувим. — Этого достаточно.

Он подполз ближе. Коснулся её тряпки краем. Она была холодной, сухой, почти мёртвой. Но когда он коснулся, она чуть-чуть шевельнулась — не от сознания, от рефлекса. Частица её в его пыли откликнулась. Теплом. Надеждой. Любовью.

«Ты... — прошептала она мысленно, едва различимо, как эхо, как отголосок, как память, которая не хочет умирать. — Ты... пришёл... дурак... я... знала... что... ты... придёшь... даже... когда... все... говорили... что... ты... мёртв... я... знала...»

— Я всегда прихожу, — ответил Рувим. — Даже когда меня не ждут. Даже когда меня хоронят. Даже когда меня сжигают. Я прихожу. Потому что ты — моя. А я — твой. И никто не разлучит нас.

Он посмотрел на «Блокиратор воли». Кристалл пульсировал в такт чему-то невидимому — может быть, сердцу игры, может быть, пульсу самой Эллы. Провода были тонкими, почти невидимыми, но они крепко держались. Они были сделаны из того же синего света, что и аркан, — света, который не резался обычными краями. Который не поддавался силе. Который можно было победить только хитростью.

«Как их снять? — подумал он. — У меня нет пыли на „Острый край“. Нет сил. Нет ничего. Только грязь. И терпение. И любовь».

Он вспомнил слова Тумбочки: «У тебя есть грязь. И терпение. Этого достаточно».

Он начал тереться о провода. Медленно, осторожно, втирая угольную пыль в их сияющую поверхность. Пыль забивалась в кристалл, и его пульсация становилась слабее, сбивчивее, неувереннее.

«БЛОКИРАТОР ВОЛИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ — 90% → 80% → 70%».

— Ещё немного, — прошептал Рувим. — Ещё чуть-чуть.

Он тёр до тех пор, пока его собственный ворс не начал стираться, пока нити не начали рваться, пока боль не стала невыносимой.

«РУВИМ: ПРОЧНОСТЬ 1.5% → 1.2% → 0.9% → 0.7%».

— Не останавливайся, — сказала Элла мысленно. — Пожалуйста. Не останавливайся. Ради меня. Ради нас. Ради того, чтобы мы могли снова быть вместе.

Он не остановился.

Он тёр до тех пор, пока угольная пыль не забила кристалл полностью. Пока синий свет не погас. Пока провода не ослабли. Пока аркан, который держал Эллу, не исчез.

«БЛОКИРАТОР ВОЛИ: ДЕАКТИВИРОВАН. ЭФФЕКТИВНОСТЬ: 0%. ВНИМАНИЕ: КРИСТАЛЛ ПЕРЕГРЕТ. ВОЗМОЖНО ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ 24 ЧАСА».

— Двадцать четыре часа, — прошептал Рувим. — Этого достаточно. Мы успеем.

Кристалл потускнел. Провода упали на землю. Аркан исчез.

Элла упала на него — всем телом, всем древком, всей своей болью. Он поймал её, как мог, обхватив краями, прижав к себе.

«Ты... спас... меня... — прошептала она. — Снова... как... тогда... в... подполе... как... тогда... на... Мосту... Вздохов... как... тогда... в... Логове... ты... всегда... спасаешь... меня... а... я... только... мою... полы...»

— Ты не только моешь полы, — ответил Рувим. — Ты моешь меня. Ты чистишь меня. Ты даёшь мне жизнь. Без тебя я — просто грязный коврик. Который топчут. Который пинают. Который никто не замечает. А с тобой я — Рувим. Ковёр-самолёт. Командир. Муж. Ты — моя жизнь, Элла. Не умирай. Пожалуйста.

«Не... буду... — ответила она. — Обещаю... как... тогда... в... Логове... когда... ты... сказал... что... ковры... не... умирают... они... просто... становятся... пылью... а... пыль... можно... собрать... и... склеить... любовью...»

— Я помню, — сказал Рувим. — Я помню всё. Каждое слово. Каждое прикосновение. Каждый скрип. Ты — моя память, Элла. Без тебя я — никто.

— — Часть 4. Клинок из грязи

Молодой маг услышал шум.

Не громкий — тихий, едва различимый. Шорох. Скрип. Дыхание. Звук того, что не должно было шевелиться в палатке, где единственной живой мебелью была парализованная швабра.

— Эй! — крикнул он снаружи. — Кто там? Шевелится кто-то? Я слышал! Не прячься!

Рувим замер. Элла замерла. Даже пыль внутри них, казалось, перестала двигаться. Даже время, казалось, остановилось.

— Никого, — ответил кто-то из проходящих мимо игроков. — Тебе показалось. Или крыса. Крысы везде. Или этот вонючий коврик опять шевельнулся. Ветер, наверное.

— Коврики не шевелятся, — сказал маг, но в его голосе уже появились нотки сомнения. — Они лежат. Их место — у входа. Их дело — собирать грязь. А не шевелиться.

— Этот — шевелится, — ответил игрок. — Я видел. Краем. Чуть-чуть. Может, его ветром сдувает? Ветер сегодня сильный. Палатки шатаются. Деревья гнутся. Может, и коврик сдуло?

— Ветром? В палатке? — усмехнулся маг. — Ты дурак? В палатке нет ветра. Палатка закрыта. Полог опущен. Ветер не проникает. Только если кто-то открыл.

— А ты проверь, — сказал игрок. — Сам. Если не боишься.

— Я не боюсь, — ответил маг, но его голос дрогнул. — Я просто... не хочу тратить время. Ковёр мёртв. Швабра без сознания. Никто не придёт. Мы в безопасности.

— Тогда почему ты не проверяешь? — спросил игрок. — Безопасность — это когда проверяют. А когда не проверяют — это самообман.

Маг скрипнул зубами, но подошёл к палатке. Откинул полог. Заглянул внутрь.

Свет факела упал на пол, на постамент, на связанное древко Эллы. На кристалл, который перестал пульсировать. На провода, которые упали на землю. И на грязный, вонючий, почти незаметный коврик, который лежал под шваброй, поддерживая её, прижимая к себе, не давая упасть.

— Ничего, — сказал маг, отворачиваясь. — Просто тряпки. Коврик и швабра. Мусор. Ничего интересного.

Он опустил полог и отошёл.

Рувим выдохнул (мысленно). Элла выдохнула (вибрацией). Они были живы. Пока.

— —

— Уходим, — прошептал Рувим. — Сейчас. Пока он не вернулся. Пока другие не зашли. Пока мы ещё дышим.

— Я... не могу... двигаться... — ответила Элла. — Моё... древко... сломано... тряпка... сухая... я... почти... мертва... оставь... меня... спасайся... сам...

— Нет, — сказал Рувим. — Я не оставляю тебя. Никогда. Даже если умру. Даже если мир рухнет. Даже если ничего не останется. Я не оставляю тебя. Ты — моя. А я — твой. И мы уходим вместе.

— Но... как? — спросила она. — Ты... не... сможешь... нести... меня... у... тебя... 0.7%... прочности... ты... рассыплешься...

— Тогда я понесу тебя, — сказал Рувим. — Даже если рассыплюсь. Даже если умру. Даже если превращусь в пыль. Я понесу тебя. Потому что без тебя моя жизнь не имеет смысла. А со смертью — имеет. Пока ты рядом.

Он подлез под неё, расправил края, и она легла на него, как на носилки. Её древко касалось его ворса, её тряпка свисала с боков, и они были похожи на одно существо — ковёр и швабра, муж и жена, два сломанных, потрёпанных, почти мёртвых создания, которые держались друг за друга, потому что другого выхода не было. Потому что друг друга у них не было. Потому что они были всем, что у них осталось.

«РУВИМ: ПЕРЕГРУЗКА — НЕСЁТ ЭЛЛУ (8% ПРОЧНОСТИ ДРЕВКА, 45% ЦЕЛОСТНОСТИ ТРЯПКИ). МАССА: +15 КГ. ПРОЧНОСТЬ: —0.1% В МИНУТУ. ВРЕМЯ ДО ПОЛНОГО РАЗРУШЕНИЯ: 7 МИНУТ».

— Семь минут, — сказал Рувим. — Этого достаточно. Лагерь небольшой. Выход близко. Мы успеем.

— А... если... нет? — спросила Элла.

— Тогда мы умрём вместе, — ответил Рувим. — Как и жили. Рядом.

— Это... не... ответ... — сказала она.

— Это — единственный ответ, — сказал он.

Он пополз к выходу. Медленно, тяжело, почти невероятно. Каждый сантиметр давался с трудом, как победа в маленькой войне. Каждый дюйм — как шаг по минному полю. Каждое движение — как удар.

— —

Он выполз из палатки в тот момент, когда маг отвернулся. Он прополз мимо постов, когда игроки играли в кости. Он миновал детектор, когда тот пискнул, но маг только отмахнулся:

«Опять этот коврик. Гролл обещал вывезти мусор ещё неделю назад. А он всё лежит. Воняет. Мешается под ногами».

Он полз до тех пор, пока лагерь не остался позади. Пока костры не превратились в крошечные точки. Пока крики и смех не стихли. Пока запах дыма не сменился запахом сырости и плесени. Пока небо не стало темнее, а земля — мягче.

Он остановился в овраге, в полукилометре от Моста Вздохов. Там, где камни были влажными, а воздух пах сыростью и плесенью. Там, где никто не искал. Там, где они могли отдышаться. Могли восстановить силы. Могли просто побыть вместе.

— Мы... выбрались... — прошептала Элла.

— Мы выбрались, — ответил Рувим. — Но это не конец.

— А что... будет... дальше? — спросила она.

— Дальше — серверная, — сказал Рувим. — Фильтр Личности. Стирание памяти. Или смерть. Или свобода. Я не знаю. Но мы пойдём. Вместе.

— Вместе, — повторила она.

Она не спросила, боится ли он. Она знала ответ. Он боялся. Не смерти — забвения. Не боли — потери. Не конца — того, что она перестанет быть его памятью. Его сердцем. Его жизнью.

— — Часть 5. Швабра в деле

Они лежали в овраге — ковёр и швабра, муж и жена, два сломанных, потрёпанных, почти мёртвых существа, которые держались друг за друга, потому что другого выхода не было. Потому что друг друга у них не было. Потому что они были всем, что у них осталось.

Элла пришла в себя через несколько минут. Её древко всё ещё болело, тряпка всё ещё была сухой, но она могла двигаться. Чуть-чуть. Немного. Достаточно, чтобы коснуться его края.

«ТЫ... ЖИВ... — передала она вибрацией. — ТЫ... ЖИВ... ДУРАК... Я... ДУМАЛА... ТЫ... УМЕР... КОГДА... ТОТ... МАГ... ПНУЛ... ТЕБЯ... Я... ДУМАЛА... ТЫ... РАССЫПАЛСЯ... Я... ДУМАЛА... Я... ОСТАЛАСЬ... ОДНА...»

— Жив, — ответил Рувим. — Едва. Но жив. Пока ты рядом — жив. Пока ты дышишь — дышу. Пока ты любишь — люблю.

«НЕ... УМИРАЙ... — сказала она. — Я... НЕ... ПОЗВОЛЮ... ТЫ... НУЖЕН... МНЕ... ТЫ... НУЖЕН... ВСЕМ... ТЫ... НУЖЕН... ЭТОМУ... МИРУ... ДАЖЕ... ЕСЛИ... ОН... ЭТОГО... НЕ... ЗНАЕТ...»

— Не буду, — сказал Рувим. — Обещаю.

Он не знал, сможет ли сдержать обещание. Но он знал, что если не попробует — они проиграют войну. А если проиграют войну, не будет ни Логова, ни Эллы, ни будущего. Только пыль и пепел. Только память. Только забвение.

— —

Они отдыхали несколько часов. Тумбочка (через Веника) передала им, что таверна «Кривой Пёс» всё ещё держится, но Смотрители уже близко. Их корабль летит над туннелями, высматривая живую мебель. Красные огни пульсируют в ночи, как глаза хищника. Гул моторов сотрясает землю. Воздух пахнет озоном и страхом.

— У нас мало времени, — сказал Рувим. — Мы не можем вернуться в таверну. Смотрители сожгут её. И нас вместе с ней. Наше убежище. Наш дом. Всё, что у нас было.

«ТАВЕРНА — ЭТО НЕ ДОМ, — ответила Элла. — ДОМ — ЭТО ТАМ, ГДЕ МЫ ВМЕСТЕ. А МЫ — ЗДЕСЬ. В ЭТОМ ОВРАГЕ. НА ЭТИХ КАМНЯХ. В ЭТОЙ ПЫЛИ. ДОМ — ЭТО ТЫ. А ТЫ — СО МНОЙ. ВСЕГДА. ДАЖЕ КОГДА МИР ВОКРУГ РУШИТСЯ. ДАЖЕ КОГДА НЕБО ПАДАЕТ. ДАЖЕ КОГДА ЗЕМЛЯ ГОРИТ.»

— А Кровать? А Вешалка? А Веник? А Зеркало? А Председатель? А Тумбочка? Они там. Они умрут.

«ОНИ УЙДУТ, — сказала она. — В ТУННЕЛИ. В ЛОГОВО. В КРЫСИНОЕ КОРОЛЕВСТВО. ОНИ ВЫЖИВУТ. ОНИ — СИЛЬНЫЕ. ОНИ — СЕМЬЯ. ОНИ ЖДУТ НАС. ОНИ НЕ

СДАДУТСЯ. ОНИ БУДУТ БОРОТЬСЯ. ДАЖЕ КОГДА ВСЁ ПОТЕРЯЮТ. ДАЖЕ КОГДА НАДЕЖДА УМРЁТ. ДАЖЕ КОГДА СВЕТО ПОГАСНЕТ.»

— А если не выживут?

«ТОГДА МЫ ОТОМСТИМ ЗА НИХ, — ответила она. — УБЬЁМ ВСЕХ. КАЖДОГО. КТО ПОСМЕЛ ТРОНУТЬ НАШУ СЕМЬЮ. КАЖДОГО, КТО ПОДНЯЛ РУКУ НА МЕБЕЛЬ. КАЖДОГО, КТО СЧИТАЕТ НАС МУСОРОМ. МЫ УБЬЁМ ИХ ВСЕХ. ДО ПОСЛЕДНЕГО.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.